

Натали Лансон

Атлас-3

«Литнет»

2025

Лансон Н.

Атлас-3 / Н. Лансон — «Литнет», 2025

Я стала изгоем в родном городе – предал муж, отвернулись друзья и родные. Всё наше окружение поверило его лжи... даже наши дети! Ведь он – политик, а я – никто. Но когда с небес пришли они – холодные, чужие, отчаявшиеся спасти свою вымирающую расу, – мне предложили шанс. Не на месть. Не на возвращение. А на нечто большее: стать матерью будущего. Я согласилась. И пусть теперь все Галактики узнают: из пепла предательства встаёт не сломленная женщина – а рождается новая легенда!*БУКТРЕЙЛЕР

© Лансон Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Измена	8
Глава 2. Сказкам – конец	12
Глава 3. Предательство	16
Глава 4. Между вчера и завтра	19
Глава 5. «Прости...»	22
Глава 6. Ход конём	25
Глава 7. Сделка	30
Глава 8. Внезапная поддержка	34
Глава 9. Новая жизнь	38
Глава 10. План действий	40
Глава 11. Суд	44
Глава 12. Громкий развод депутата Белова	47
Глава 13. Пришествие	50
Глава 14. Зарваэлыцы	53
Глава 15. Выбор	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог

Все персонажи романа «Атлас 3» являются вымышленными, и все совпадения с реально живущими или когда-либо жившими людьми – случайно!

P.s. Если получится так, что я накаркала, и мы реально столкнёмся с инопланетной угрозой, прошу прощения у всего человечества. Я просто фантазировала!

Промозглый весенний дождь хлестал меня по лицу, но я упорно шла вперёд по улице большого города, кутаясь в лёгкое пальто, которое ещё хранило на себе отпечаток моей когда-то безбедной, но иллюзорно-счастливой жизни.

Любимый и заботливый муж, отец моих сыновей, успешный политик, а ныне просто бывший, выставил саквояж с несколькими комплектами одежды прямо за забор нашего уютного особняка. Было это почти полгода назад, а так больно – как будто вчера. И вместе с тем глухо в душе, словно весь тот мрак произошёл в другой жизни.

Я посмотрела на зажатую в руках визитку и поёжилась.

Со мной связались буквально несколько дней назад.

Они.

Иные.

Инопланетяне, прибывшие на Землю в середине ноября прошлого 2025 года, в самый страшный момент моей жизни – момент предательства. Предательства мужа, семьи, подруги... и даже трёх сыновей, которые больше не желали видеть меня, сбрасывая звонки и не читая сообщения.

Шестнадцать лет – возраст лютого максимализма. Я это понимала, но... даже не выслушать?! Не узнать, как получилось то, что получилось? Не разобраться, что именно Илья, их отец, предал семью, а не я! Именно он выставил нас посмешищем на всеобщее обозрение! Он дал повод одноклассникам сыновей насмехаться над ними. Не я!

Это больно! До сих пор больно... и, наверное, будет больно всегда. Чуть меньше со временем, но всё-таки...

Я трянула головой и вернулась мыслями к визитке. Точнее к предложению, которое мне сделали два дня назад. Прямо на гос. услугах – ха-ха!

«М-да... Оказывается, я ещё не разучилась смеяться».

Раса иномирцев, внешне почти не отличающихся от нас (разве что чуть выше и мощнее), вопреки всем агрессивным фильмам явилась не поработить род людской. Они прилетели за помощью – не дать их расе исчезнуть с просторов Вселенной. После какого-то страшного вируса у зарваэльцев (они себя называли «зарваэль», но мы, земляне, уже переиначили на свой манер), погибли почти все женщины. Им удалось спасти несколько особей, но ни одна из них больше не могла выносить потомство. Точнее даже зачать. Ага – способ размножения у зарваэль был таким же, как у нас.

Они искали другие формы жизни и несколько лет назад нашли нас. Один из исследовательских зондов принёс им нужную информацию. Земные женщины, казалось, им подходили. Строение наших тел и репродукция вроде как могли бы вместить их геном.

Всё завертелось-закружилось...

Иномиряне в содружестве с нашими учёными, откликнувшимися на их зов о помощи, запустили проект «Искра». С разрешения власть держащих Земли, конечно же! И за весьма достойный бартер – за технологии зарваэль, которые усакали далеко вперёд даже от китайских чипов. Чего только стоил их корабль, который «зарваэльцы» с почтением называли «ВЭ-эль ЗА-рис», что в переводе с их языка означало: «Последняя колыбель».

Корабль, как сообщали наши СМИ, можно было считать живым. Искусственный разум у пришельцев был вовсе не искусственным, а настоящим: с душой, но телом космического крейсера размером в два десятка километров!

Обшивка корабля представляла из себя биокристаллическую ткань, реагирующую на эмоции экипажа. А это что-то за гранью нашего понимания!

Разве могли лучшие умы человечества упустить такие возможности?!

Нет!

Всего-то надо уговорить пару сотен баб улететь с чужими на их планету! Пхах! Делов-то!

К чести зарваэль, мужчины всегда вели себя сдержанно, выступая на камеры наших акул телевидения, но после двадцати лет жизни с политиком, который всегда казался порядочным и любящим, а потом макнул меня в грязь не просто носом, а всем туловищем сразу, верить глазам, ушам и другим частям тела я не спешила. Поступки – единственно-правильный ориентир в таких вещах.

Почему тогда иду в центр репродукции на окраине Самары?

Потому что мне не оставили выбора.

Илья сделал всё, чтобы выжить меня из родного города. «Закрутил гайки» – вроде так говорят в таких ситуациях.

Оказавшись на улице с одним саквояжем и паспортом в руках, я еле нашла себе жильё. Ни в одном отеле меня не принимали – Илюша и его начальник безопасности постарались. Пришлось искать квартиру, чей хозяин сдаёт её нелегально. И то, после громкого развода, который состоялся через месяц после самой ужасной катастрофы моей жизни, пришлось и её поменять, заселившись в такое гетто, о котором я, правильная дочка погибших археологов, даже не подозревала!

Устроиться на работу по профилю лингвиста у меня так и не получилось... а накопления таяли, как снег по весне.

Уехать?

Я боялась сделать это.

Казалось, если сойду со сцены, то никогда не верну сыновей, а я безумно их любила. Надежда на то, что они выслушают меня и встанут на мою сторону, упорно не желала подыхать, хотя сама я уже находилась на грани.

Моё упадническое настроение резко оборвалось, стоило мне завернуть за угол и оказаться у ворот центра репродукции, которого ещё полгода назад здесь не было.

Сейчас здание высилось на целых три этажа, а за ним стоял приземлившийся в ноябре «Вэ-эль За-рис». Космический корабль стоял на высоких «ножках», и всё равно пустырь теперь представлял из себя весьма грустное зрелище. Двадцать километров земли без лучей солнца – это вам не шутки.

Но зарваэльцы обещали сберечь экосистему, подсвечивая специальными лампами, чтобы ни растения, ни животные, проживающие под их живой машиной, не пострадали. Однако сейчас была только весна, поэтому дать оценку их обещанию сложно. К тому же, никого к кораблю не пускали. Стражи зарваэль круглосуточно мониторили собственную безопасность, общаясь с лидерами разных стран. К слову сказать, тех сразу набегало немало!

На Земле, наверное, впервые на памяти планеты, угасли все конфликты!

Внеземная угроза даже мужа моего бывшего отвлекла от меня. Жаль только, что его угроз оказалось достаточно, чтобы мне отказывали в работе повсюду, едва люди открывали мою трудовую книжку.

– Скот... – поморщилась я, решительно выдыхая и делая первый шаг по направлению к аванпосту, выставленному на высоких воротах подозрительной организации.

Я надеялась пройти анализы по приглашению. Даже если результаты не удовлетворят зарваэль, мне заплатят круглую сумму – почти полмиллиона рублей! Этого хватит, чтобы не нервничать ещё полгода, акцентирую внимание на общении с моими мальчиками. Точнее на возобновлении этого общения.

Так сказать, предпринять последнюю попытку перед окончательным и бесповоротным разрывом, за которым последует жуткая боль от очередной потери и принятие того, что я опять осталась одна... одна в целом мире.

– Госпожа Белова? – с акцентом обратился ко мне высокий мужчина, вышедший мне навстречу. Высокий, стройный, в тёмно-синей форме он выглядел изумительно, но с некоторых пор мужская красота перестала меня трогать.

Я кивнула, замирая.

– Покажите приглашение.

Карточка-визитка в моей руке дрогнула, когда я протянула её зарваэль – первому представителю иномирной расы, которого я видела так близко.

Мужчина кивнул.

– Идите за мной.

Турникет пропустил меня следом за стражем, и я как будто попала в другой мир, оказываясь на территории зарваэль, что в переводе означало... «дракон».

Добро пожаловать в новую историю!

Будет... дико интересно

Глава 1. Измена

~Шесть месяцев назад~

– София Леонидовна, – окликнула меня Жанна, наша домработница, появившись в дверях кухни с подносом в руках.

Две минуты назад я отправила её к мальчикам в гостиную с тарелкой лёгких бутербродов, которые сама соорудила, ловко управляясь с ножом.

Я вытерла руки о фартук. Готовила ужин для Ильи – его любимую картошку по-французски. Трое сыновей попросили перекусить что-то по-быстрому и слиняли в зал, где, по звукам, уже тиранили игровую консоль, болтали о школе и смеялись.

«Мои мальчишки... – мягко улыбнувшись, я поставила противень с ужином в духовку для запекания. – Моя гордость и будущая опора. Три сына-близнеца! Три маленькие врединки, которые слишком быстро выросли в молчаливых и вечно недовольных подростков. Когда только успели?! Шестнадцать лет... – я улыбнулась, вспоминая свои шестнадцать. – Возраст, когда мир напитывается новыми красками, к которым ты, порой не готов. Папа больше не кажется непобедимым рыцарем, а мама – хрупкой принцессой. Эх! Ничего. Лишь бы время не спешило. Я готова наслаждаться даже этой непростой порой материнства!»

Широко улыбувшись, спросила:

– Что случилось, Жанночка?

– Вам звонят. Служба безопасности. Говорят – срочно.

Сердце тревожно ёкнуло, хотя ничего криминального в звонках начальника службы безопасности Илюши не было. Можно сказать, рядовая ситуация. Артур всегда звонил, чтобы предупредить, если Илья задерживался на работе. А сейчас так тем более!

Команда депутата Белова замахнулась на федеральный уровень! Выборы совсем скоро, через две недели.

– Уже бегу, – сказала я, поправляя на ходу выбившуюся прядь тёмных волос.

– София Леонидовна! – голос Наташи, нашего PR-менеджера, дрожал в трубке. – С вами можно поговорить? Не отвлекаю? Это срочно!

Наташа звонила редко. Только по делу. И всегда – с уважением.

– Что случилось? – спросила, уже чувствуя, как в груди сжимается тревога.

– Один из оппонентов... идиот. Вскочил и... плеснул Илье Ивановичу в лицо кофе! Прямо во время выступления!

– Боже... Илюша в порядке?

– Да, да! Ничего страшного, – торопливо заверила меня Наталья, успокаивая. – Всё нормально. Просто костюм безнадёжно испорчен, а у Ильи Ивановича сегодня ещё одна важная встреча с инвесторами! Я из офиса запасной не захватила... Боюсь, подвести босса. – Она запнулась, будто стесняясь. – София Леонидовна... можете привести в отель костюм Ильи Ивановича? Тот, серый, от Brioni? Я никак не могу приехать сама – мне презентацию через десять минут показывать. А Артур...

– Успокойся! – я уже вставала, готовая прийти на помощь к любимому мужу. Тем более, что до отеля добираться на машине не больше двадцати минут. – Сейчас упакую и привезу. Даже в голову не бери. Пусть Артур лучше присматривает за моим благоверным.

– Спасибо! Большое спасибо! Вы – лучшая жена!

Наташа засмеялась, но это получилось у неё как-то фальшиво, что ли.

«Переживает...» – решила я, первой сбрасывая вызов.

Мне потребовалось не больше пяти минут, чтобы снять чехол с костюмом, дать указания Жанне, крикнуть Егору, Никите и Матвею, чтобы они принимались за уроки, и на секунду задержаться на пороге кухни, где мягко поплыли вкусные ароматы.

– Я присмотрю, София Леонидовна.

– Спасибо, Жанна, – с благодарностью улыбнулась я, на мгновение отпуская тревогу. – Что бы мы без вас делали?!

Женщина смущённо хихикнула, закрывая за мной дверь особняка.

На улице моросил неприятный дождь.

Накинув на голову капюшон, я быстро побежала в сторону машины.

Две минуты – и я выехала из элитного посёлка, где мы полгода назад приобрели большой особняк недалеко от Самары.

Дождь стучал по лобовому стеклу, будто пытался остановить меня, шепча сквозь капли: «Ну, куда ты в такую погоду собралась? Дома сиди! Со своей картошкой...»

Но я, упрямо сжимая руль, спешила на помощь, как те бурундуки-спасатели из мультфильма моего детства. Предвыборная гонка – это не шутки. Там каждая секунда на вес золота, а каждый костюм – часть имиджа, за который Илья боролся годами.

Подъехав к отелю «Парк Инн» – тому самому, где мы с Ильёй два месяца назад отмечали нашу двадцатую годовщину свадьбы – сами, сидя у окна с бокалами вина и мечтая о том, как мальчики скоро приведут к нам своих невест, – я припарковалась у входа и вышла, не замечая, как капли дождя упорно пытаются пробраться за мой воротник.

Я была полностью спокойна, поднимаясь на седьмой этаж в тишине лифта.

Машинально поправила прядь, выбившуюся из хвоста, и даже улыбнулась – глупо, по-женски, мечтая поскорее пережить тяжёлое время мужа и уже получить свою порцию его бесценного внимания.

Но, остановившись перед дверью 712, я вдруг замерла, услышав за ней приглушённый, задышающийся смех.

Женский.

Знакомый.

Тот самый, что звучал в телефонной трубке всего двадцать минут назад.

Чувствуя, как по спине ползёт легион ледяных мурашек, я нахмурилась.

Рука с дрожью потянулась к двери, пока вторая пыталась удержать костюм, в один момент ставший тяжёлым.

Дверь оказалась не закрытой.

А когда она приоткрылась – мир перестал дышать.

Передо мной возникла до боли примитивная сцена.

В полумраке номера на кровати сидел Илья – босой, раздетый и... с улыбкой на губах, будто он только что выиграл выборы – не меньше.

А на его коленях Наташа... в рубашке Ильи.

С растрёпанными волосами.

Хихикающая, довольная.

Особенно, когда наши взгляды встретились. Будто она меня ждала.

А вот Илья, проследив за взглядом своего PR-менеджера, подскочил, как ужаленный.

– София?! Какого чёрта ты...

Я не успела ничего ответить.

Слёзы хлынули сами – горячие, предательские. Сердце разбилось раньше, чем разум осознал и проанализировал происходящее. Его вина в том, что он, разум, пытался сопротивляться и категорически не желал принимать истину: «Они не в первый раз целуются...»

«Они вместе... Как долго? Как долго он...»

– София... – начал Илья, делая шаг вперёд и касаясь рукой затылка, чтобы взъерошить волосы. Он так всегда делал, когда нервничал перед пламенной, зажигательной речью перед своими избирателями. Особенно, когда что-то шло не так.

«Но я же его жена, а не неловкая помеха в сценарии!» – злость вспыхнула внутри, провоцируя болезненную агонию в груди.

Я бросила костюм ему под ноги, не в силах вымолвить ни слова, лишь глядя на мужа с таким отчаянием, что, казалось, воздух вокруг нас задрожал.

Наталья молча встала за спиной Ильи. Уже без красноречивой улыбки, доказывающей, что её звонок был ничем иным, как тонкой игрой для достижения её целей.

– Ты... с ней? – наконец выдохнула я, чувствуя, как голос ломается, как будто его кто-то злой и яростный сдавливает изнутри.

Илья зашипел, призывая меня сбавить тон, и резко схватил за руку – не нежно, а жёстко, как будто я – та самая его проблема, которую нужно решить здесь и сейчас... до того, как кто-то увидит.

Он затянул меня внутрь, даже не замечая, как мы топчемся по его дорожному костюму.

– София, успокойся! – зашипел Белов, на секунду выглянув в коридор, и быстро захлопнув дверь за нами. – Ты же понимаешь, сейчас не время для сцен! У меня завтра выборы!

– Выборы?! – я засмеялась сквозь слёзы, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Какие к чертям выборы, Илья?! ТЫ ИЗМЕНИЛ МНЕ! Кувыркался со своим менеджером в отеле! И явно не в первый раз!!! И ты что? Хочешь, чтобы я сделала вид, что ничего не видела?!

– Да! – рявкнул Илья. В его глазах не было ни стыда, ни раскаяния – только цинизм политика, для которого я – не человек, а риск в рейтинге. – Просто уйди. А лучше уйдём вместе. Не стоит нервировать сыновей.

– Нервировать? – с рычанием спросила я, мысленно сдавливая шею супруга, который оказался среднестатистическим кобелём. – А тебе не кажется, что об этом надо было подумать чуть раньше? До того, как твоя сраная помощница прыгнула на твои колени?! Белов! Ты вообще страх потерял?!

– София, хватит! Успокойся... по-хорошему. В отеле сейчас полно журналистов. Дебаты в самом разгаре.

– И вместо того, чтобы меряться... мандатами с очередным оппонентом, ты решил разложить в номере для молодожёнов эту...

– ХВАТИТ, я сказал!

Я тупо моргнула, глядя мужу в глаза и пытаюсь найти в них хоть искру того самого Ильи, с которым мы венчались в храме.

К своему священному ужасу я не узнавала стоящего передо мной человека.

Этот напыщенный индюк с красными от злости глазами, с брезгливо искривлёнными губами, которые поджимались от досады – не мой заботливый и любящий муж!

И в тот момент, стоя в коридоре элитного отеля, мокрая от дождя и слёз, я задалась коварными вопросами: «Когда наша яркая любовь стала однобокой? Когда Илья перестал видеть во мне человека – и начал видеть «спутницу жизни» для пресс-релизов? Когда он начал мне изменять? И первая ли Наташа в этой очереди подлого предательства?!»

– Я хочу развода, – сказала раньше, чем приняла решение. И в моих словах не было гнева – только усталость от лжи, от масок, от роли «идеальной жены», которую я играла так долго, что перестала замечать реальность.

– Этого не будет! Даже не надейся, – с угрожающими вибрациями в голосе заявил Белов, возвышаясь надо мной. – Ты разрушишь всё! Меня, карьеру, детей! Ты же знаешь, как это будет выглядеть?! «Жена депутата устроила скандал из-за любовницы» – и всё, я мёртва, как политик!

Я стояла с открытым ртом, не в силах пошевелиться, не в силах дышать.

– Ты вернёшься домой и успокоишься! – продолжил раздавать наставления этот «идеальный семьянин» – так его называли в СМИ. – Нет... лучше Артур отвезёт тебя к твоей подруге. Пошепчитесь с Дарьей... ты успокоишься и включишь разум. Ты...

Больше не в силах сдерживаться, я хлёстко ударила Илью по лицу, останавливая очередной спич. Да так, что из его носа брызнула кровь.

– СОФИЯ! – взревел Белов, зажимая нос, но я уже не слушала его.

Развернулась и вышла из номера, гордо удаляясь по коридору отеля, зная наверняка, что Илья не погонится за мной следом.

Я не оглядывалась.

Просто двигалась вперёд, иногда держась за стену, чтобы не упасть.

Потому что мой мир рухнул.

И на его обломках уже стоял кто-то другой.

Кто-то, кто больше не верил в «жили долго и счастливо».

Глава 2. Сказкам – конец

Прыгнув за руль автомобиля, подаренного мне полгода назад мужем на сорокалетие, я дёрнула ремень и пристегнулась.

А потом тупо замерла, глядя, как дождь неистово хлещет по стёклам. Словно ругая меня: «Я же говорил! Сидела бы дома...»

«И продолжила бы дальше существовать в качестве массовой успешного депутата, выбравшегося из самых низов и замахнувшегося на федеральный уровень? – закончила мысленно. – Нет уж! Родители, пусть земля им будет пухом, не этому меня учили!»

Повернув ключ в замке зажигания, мягко тронула машину с места, хотя внутри меня творился сущий мрак. Эмоции накатывали одна на другую. Хотелось плакать, кричать, обнять себя, а потом выскочить и крушить – крушить всё, что попадётся под руку! Настоящий приступ психоза.

«Нельзя показываться в таком состоянии детям, – остановила себя, вырываясь в противоположную сторону от дома. – Тут Илья прав... будь он трижды... – стиснув челюсти, резко оборвала страшные мысли. – Нельзя никому желать проклятий, Софа... У вас общие дети».

А так хотелось! Господи! Как же хотелось! А ещё лучше: схватить его за стильную причёску и вытереть его лицом весь кафель в отеле! За то, что предал! За то, что растоптал меня, как жену, как женщину, которой клялся в любви и верности!

– Мразь!

Повезло Илюшеньке, что я – суеверна.

Всегда была такой. Не до фанатизма, конечно, однако...

Мои родители, выдающиеся археологи своего времени, тому виной.

Каждый раз, отправляясь в экспедицию в своём парном тандеме, мама и папа шепотом читали «Отче Наш». Если видели лестницу на пути, чёрного кота или женщину с пустым ведром – всегда обходили другой стороной. И вместе с тем щекотали друг другу носы, чтобы чихнуть, выходя из дома... хотя религия относилась неодобрительно к языческим приметам, а тут прямо какое-то комбо.

Наверное, это странно, ведь археологи для большинства представителей современного общества – всё равно что мародёры или осквернители могил. Да только мама с папой никогда не брались за подобные заказы. Их страстью были затерянные города, поселения. Особенно касающихся пропавшего племени майя.

В одном из таких экспедиций они и погибли. Я тогда училась на четвёртом курсе и только начала встречаться с Ильёй. Он меня тогда так поддержал... а через год сделал предложение. Из университета я вышла с дипломом и новой фамилией, немного грустная, но полная уверенности, что жизнь не закончилась. Она продолжается, и рядом со мной достойный мужчина.

Я стукнула по рулю и закричала на всю машину.

«Как же так получилось?! Где, в каком моменте всё пошло под откос?!»

Телефон постоянно вибрировал, высвечивая на дисплее фото Ильи – одно из, которое было сделано для портфолио на дорогущей фотосессии. Семейных фотографий в тот день тоже было сделано немало – всё, только бы распиарить как следует восходящую звезду политики. Мальчишек еле удалось уговорить.

Зря... зря я на них давила. Сама стала жертвой пиара, ещё и детей в это втянула! Им дико претило всеобщее внимание. Особенно сейчас, когда за их поступками наблюдали через лупу буквально везде: в лицее, на улице, в спортивной школе. Подростки такое не любят.

Когда телефон затих, я с облегчением выдохнула.

Мне требовалось подумать и понять, как жить дальше, потому что как раньше, уже не будет. Я, к сожалению или к счастью, не из тех баб, которые молча сносят подобные плевки в

лицо. Жить с тем, кто тебя обманул в своих лучших чувствах – это не обо мне! Разводу быть, и ничто этого не изменит! Но вместе с тем, нельзя забывать о мальчиках. Необходимо как-то сделать так, чтобы этот однозначно громкий судебный процесс затронул их по минимуму.

«Жаль, я – одна у мамы с папой... И у меня, кроме них, совсем нет родственников. А так... как было бы здорово отправить на время Егора, Никитку и Матвея к какой-нибудь бабушке в деревню... – я уныло качнула головой, вырывая на улицу Декабристов, где жила моя единственная подруга – та самая Дарья, к которой мне советовал Илья поехать и «пошептаться». – Ублюдок! Знает, что больше у меня никого нет!»

После появления тройни я вообще из жизни социума пропала.

В то время у нас не было никаких домработниц, никакой охраны. Мы жили в двушке, оставшейся от моих родителей, и справлялись со всем сами. Илья работал на заводе, а я занималась детьми в декрете, после которого так и не вышла в фирму, где год проработала переводчиком. Илья уговорил, оперируя тем, что детям нужна мать. Особенно трём сразу.

«Ха! Уже тогда он умел приводить нужные доводы, чтобы добиться желаемого!»

Я выходила на улицу только за тем, чтобы погулять с детьми в парке. Моментом долгожданного одиночества был поход в туалет... и то не всегда. Естественно, что все подруги разбежались. Только Дашуня осталась. Мы с ней познакомились в роддоме, когда я лежала на сохранении. А потом я узнала, что у Даши родилась дочка с патологией. Муж бросил её ещё до выписки. Я не смогла пройти мимо её трагедии. Уговорила Илью помочь. Он не особо проникся чужим горем, но мне не отказал. Стал суетиться, выбивать для Прокофьевой льготы, нашёл квартиру для съёма, так как гражданский муж Даши выставил её с ребёнком за порог своей квартиры без зазрения совести.

Наверное, с этого началась политическая карьера Белова.

Один из его друзей, который помогал маленькой Алиночке Прокофьевой медикаментами, предложил Илье возглавить волонтёрское движение, в котором сам достаточно давно трудился на благо общества. Кто мог подумать, что за шестнадцать лет из простого желания не дать двум маленьким женщинам загнуться, Илья мутирует в ЭТО – в подлого предателя!

– Софа? – дрожащим голосом спросила Дарья, открыв мне дверь уже своей квартиры.

– Привет, – шмыгая носом, я быстро написала старшенькому Егору, что сегодня останусь на ночь у тёти Даши, и отключила телефон, переступая через порог всегда гостеприимной подруги. – Аalinkа дома?

– Нет. Она приедет на следующие выходные. Хочет исправить оценки к концу семестра. Техникум – это тебе не элитная гимназия. Преподаватели в рот никому не заглядывают. Ты...

Я всхлипнула, и Даша с готовностью приняла меня в свои объятия.

– Что случилось? Ты вся дрожишь... и мокрая. Садись скорей. Сейчас полотенце принесу. Чай... Будешь чай?

Двигаясь быстро, Даша окружила меня заботой, от которой только хуже стало. Я разревелась до громких всхлипов и пузырей из носа и не могла даже слова выдать.

Взять себя в руки получилось только тогда, когда Даша схватила телефон, чтобы звонить Белову.

– Стой! – крикнула я с надрывом, останавливая Прокофьеву и начиная свой рассказ. – Сядь...

Это было непросто: вываливать своё грязное бельё и трясти им, но после моего надрывного монолога мне самой стало значительно легче. Слёзы высохли, и адреналин схлынул, уступая место какой-то обжигающей пустоте.

– Соня... – наконец, заговорила Даша, ставя чашку остывшего чая на стол. – Илья, конечно, поступил ужасно, но... Соня, ты уверена? Уверена, что развод – единственный выход? Между вами была такая любовь. Я даже завидовала, глядя на вас. Может... может ты найдёшь в себе силы простить его? Подумай только, что принесёт вам этот скандальный разрыв... У

Белова наверняка сорвутся выборы. Партия, выдвиженцем которой он является, точно отменит поддержку. Что касается тебя... Ты родительскую двушку продала.

– Да. И очень жалею. Особенно из-за того, что две трети денег отдала Илье на раскрутку его имени. Дура. Но у меня есть особняк. Он записан на моё имя.

– Хорошо, конечно, – с сомнением протянула Даша. – Да только всё совместно нажитое делится пополам. Илья затребует деньги за свою половину по суду. Сомневаюсь, что у тебя на руках есть десять миллионов.

– Нет, но...

– О том и речь, Софа, – подруга обожгла меня пристальным взглядом. – Иногда нам, женщинам, лучше уйти и сделать вид, что мы ничего не видели, чем закатывать истерику.

– Я не могу, Дашуль, – мотнула головой, пытаюсь прогнать из воспоминаний смех Ильи и его PR-менеджера. Наташа целовала его в изгиб шеи... в то местечко, которое всегда было моим. – Как он мог? Чего ему не хватало? Я же для него всё! Всё делала, что он только не говорил! Трёх сыновей родила, воспитала, как он хотел. Старалась, чтобы у нас было так же, как у моих родителей – любовь до гроба! Папа с мамой буквально молились друг на друга... И я молилась! Покрасила свои волосы в этот уродский тёмный цвет! Положительные эмоции ему дарила без остатка, стараясь не грузить бытовыми проблемами, а он что? По шаблону предал! Залез на свою молоденькую, по сути, секретаршу! Причём светленькую, какой я была раньше! А заливал, что ему брюнетки нравятся, а сам... – я прерывисто вздохнула, смахивая с лица непрошенную слезу, и посмотрела на подругу. – Даш... Что происходит? Я что? В дешёвом фильме? Что за нелепость?! Как? Как можно простить такой плевок в душу?!

– Не знаю, – глухо отозвалась Прокофьева, опустив взгляд в пол на носки своих домашних тапочек. – Я не простила. До сих пор ненавижу отца Алинки. – Дарья горько усмехнулась, заправляя бившуюся прядь из причёски. – Но Илья... Он же против развода, да? Он тебя не бросает?

– Только потому, что это навредит его карьере, – ответила я, проглотив горечь. – Его отнюдь не мои чувства волнуют, я не настолько глупа при всей своей наивности. Ох, Даш... Сегодня я увидела, что жила в выдуманном мире. Непонятно только, как долго. – Я тяжело вздохнула, смиряясь с неприглядной правдой: – Мой муж меня больше не любит, раз полез на другую.

Телефон Даши пиликнул, и она тут же посмотрела на дисплей, отвлекаясь.

Хмурый вид подруги дал понять, что ничего хорошего ей не прислали.

– У тебя... у тебя какие-то проблемы? На работе?

Даша спешно мотнула головой, быстро набирая текст.

Прокофьева работала старшим бухгалтером в волонтерском фонде того самого друга Белова, который ей помог с лекарствами для Алины, чтобы девочка поправилась.

Кажется, Иван Макаровский.

– Не... нет, – хмуро пробормотала Дарья, заметно бледнея на глазах, когда ей пришло ещё одно сообщение.

Резко убрав телефон в сумку, женщина стиснула челюсти.

– Что-то не похоже.

– Глупости. Какую-то ошибку нашли в отчёте. Завтра разберусь, – шумный вздох, и Даша дёргано улыбнулась. – Что касательно твоей ситуации... Утро вечера мудренее, да? Может, завтра всё произошедшее покажется тебе в другом свете, и ты передумаешь?

– Нет. Не передумаю, Даш. Я даже помыслить не могу, что стану дальше жить с Ильёй и пускать его в свою постель после той... Наташи. Нет. Никакое утро этого не изменит.

Мои слова вызвали на лице подруги целый коктейль эмоций: от жалости до злого раздражения.

Жалость победила.

– Знаешь, что? Давай-ка ты сходи в ванную – пропарь косточки, чтобы не подхватить простуду, а я пока сбегаю в магазин и куплю нам винишка, ок?

– Что-то не хочу я ничего пить. Внутри полный раздрай.

– Надо, – припечатала подруга. – Чтобы этот раздрай из тебя вытравить. Чтобы ты завтра была полной сил, чтобы начать новую главу своей жизни. Полотенце в шкафу, – крикнула на бегу Прокофьева, срываясь с места, когда очередное уведомление пришло на телефон. – Я быстро.

Когда я вышла через полчаса из ванной, Даша удивила ещё больше.

– Пока покупала вино, мне пришла крутая идея, – решительно заявила подруга, ловко доставая из сумки краску для волос. – Смотри, что купила! Будем возвращать тебе... тебя!

– Я... Я даже не...

– Тебе же нравились твои волосы?

– Да, но...

– Вот и славно! Идём! У меня... у меня для тебя потом будет сюрприз!

Даша вела себя непривычно живо, но я списала это на желание подруги меня вытащить из депрессии.

Зря.

Как только через час с покраской головы было покончено, а пустая бутылка вина отправилась в угол, Даша, управившись с моей новой укладкой, пьяно заявила:

– Всё! Мы – идеальны! Значит, что?

– Что? – хихикнула я, радуясь, что мысли о моей рухнувшей семейной жизни ушли куда-то в закат.

– Мы идём в «Зажигалку»!

– Какую ещё зажигалку?! – засмеялась громче, поглядывая на себя в зеркало. Признаться честно, мне нравилось то, что я видела. Подвижный образ жизни, правильное питание и уход за собой сделали меня той самой милфой, о которых говорят подростки, переступившие черту взросления. Прокофьева была такой же. Но! – Мы уже запоздали с этим. Там отжигают двадцатилетние сопляки.

– Отжигать никогда не поздно, – Даша силком напаялила на меня бежевое платье со слишком откровенным декольте, пока я вяло смеялась, и застегнула молнию на спине. Сама нацепила броское алое платье. – Нам обеим нужно развеяться! Это не обсуждается!

Если бы я знала, чем это закончится, то никогда... НИКОГДА не повелась бы ни на какие уговоры Прокофьевой!

Глава 3. Предательство

«Зажигалка» встретила нас гулом басов, пропахшим потом, дешёвым парфюмом и чем-то сладковато-химическим – наверное, дымом из генератора, который пыхтел где-то под потолком, превращая воздух в густую, мерцающую пелену.

Казалось, музыка била сразу в грудь. Да так, что сердце сбивалось с ритма, пытаясь подстроиться под этот безумный, нервный пульс.

На танцполе кишели тела – в основном восемнадцати-двадцатилетние студентки, в обтягивающих топах, рваных джинсах, с блёстками на щеках и пустыми глазами, полными адреналина и, кажется, ничего больше. Они двигались, как единый организм: дергались, извивались, хватили друг друга за руки, за талии, за волосы – не из страсти, а из нужды в контакте, в шуме, в доказательстве, что они живы, даже если не знают: зачем.

Я замерла у барной стойки, прижавшись спиной к холодному зеркалу, и чувствовала себя как будто из другой планеты. Да, вино развязало язык и смягчило края боли, но не до такой степени, чтобы я забыла, кто я и сколько мне лет. Особенно когда парень с проколотой бровью и цепочкой на шее, ненамного старше моих сыновей, облизнулся, нырнув взглядом в моё декольте.

– Ну что, Софа? – Даша впихнула мне в руку бокал с чем-то неоновом-розовым, от чего пахло малиной и спиртом. – Выпей! Это «Космический поцелуй». Говорят, после него всё кажется возможным.

Она вела себя странно живо. Обычно всегда мрачная, в последние пару месяцев Даша заметно преобразилась. Я пыталась разузнать, в чём причина, но подруга лишь загадочно улыбалась, витая в облаках. Пришлось сдаться. Если она и влюбилась, то расскажет чуть позже.

Правда сегодня её поведение выглядело чуть дёрганнее.

Дарья постоянно оглядывалась, будто кого-то искала. То и дело ныряла к бармену, возвращаясь с новыми коктейлями, которые сама очень медленно растягивала.

Я тоже не налегала на спиртное. Это был мой второй бокал после бутылки вина, однако...

– Тут неплохо, правда? – повторила Прокофьева в который раз, поправляя прядь волос и нервно хихикая. – Живо! Молодо! А мы ещё не старухи!

Но в её голосе не было ни живости, ни лёгкости. Только напряжение, как струна, натянутая до предела.

Я сделала глоток. Коктейль был сладкий, почти приторный, и оставлял после себя горьковатое послевкусие.

«Космический поцелуй»... Хм... Станный, но очень вкусный».

– Даш... – я потянула её за рукав, поставив полупустой бокал на барную стойку. – Ты чего такая... дерганая? Всё нормально?

Подруга резко обернулась, и на мгновение в её глазах мелькнуло что-то вроде страха. Но тут же – улыбка. Широкая и какая-то неестественная.

– Да брось! – воскликнула Дашуля. – Просто рада, что ты улыбнулась... после всего, что с тобой случилось за эти несколько часов. Посмотри вокруг! Мир не рухнул! Люди живут, танцуют, целуются... И ты будешь жить! Только с небольшими изменениями.

Она по-дружески хлопнула меня по плечу.

– Пойдём танцевать! Одну песню! Ну?!

Я не хотела.

Отхлебнула ещё глоток – сладкий, обманчиво лёгкий – и отвела взгляд от танцпола.

Эти тела, сплетённые в ритме, эти крики сквозь музыку, эти взгляды, полные «сейчас или никогда» – всё это принадлежало другому возрасту. Миру, где ещё можно ошибаться, не

думая о последствиях. Где сердце бьётся от музыки, а не от угрозы развода, психологической травмы детей и пустого кошелька.

«Мои мальчики... – мелькнуло в голове. – Наверное, они тоже так танцуют – на школьных дискотеках, в подвалах, в чьих-то гаражах. Смеются, спорят, целуются впервые... А я? Я сижу дома, проверяю уроки, продолжаю гладить рубашки Илье, хотя у нас уже около года работает штат высококвалифицированной прислуги, и думаю, что любовь – это порядок... А оказалось, любовь – это хаос. Только не тот, что на танцполе... а тот, что оставляет после себя пустоту».

– Ну что, Софа? – Даша подсунула мне новый коктейль, но я, кажется, уже достаточно перебрала. – Ты же не будешь всю ночь стоять, как памятник скорбящей вдове?

Я хотела ответить что-то колкое, но вдруг...

Музыка сменилась.

Вместо агрессивного электронного бита – тёплый, пульсирующий ритм.

Мне понравилось... как будто кто-то открыл заслонку внутри, выпуская на волю раскованность и тихое, тёплое счастье.

Так захотелось смеяться и кружиться!

Давно забытое, что-то детское.

Желание радоваться простому и просто хотеть. Хотеть двигаться. Хотеть чувствовать своё тело. Хотеть – жить, а стараться быть для всех удобной.

– Ладно, – сказала я, ставя слишком быстро опустевший бокал на стойку. – Одну песню.

Даша аж подпрыгнула – так резко, что её коктейль чуть не расплескался.

– Вот! Вот! Это я понимаю! – закричала она, хватая меня за руку. – Пошли! Покажем этим соплякам, как танцевали в наше время!

Я громко засмеялась, но в такой громкой музыке меня едва кто-то услышал.

Едва мы оказались на танцполе, я закрыла глаза – и мир растворился.

Не исчез. Не взорвался. А растаял, как сахар в горячем чае.

Сначала – звуки. Музыка перестала быть музыкой. Она стала пульсом. Моим собственным. Басы – не в ушах, а в груди, как будто сердце научилось танцевать.

Потом – тело.

Оно как будто... перестало быть моим.

Я чувствовала, как ноги двигаются, как руки взмывают вверх, как бёдра покачиваются в такт – но не управляла этим.

Будто смотрела на себя со стороны – с балкона, с облака, с потолка...

И при этом не пугалась.

Наоборот, испытывала дикое облегчение.

Наконец-то не думать. Наконец-то не чувствовать вину за то, что не смогла удержать семью. Наконец-то не быть Софией Беловой – брошенной женой, жертвой пиара и матерью, роль которой почти доиграна до своего логического финала: мальчики почувствовали себя взрослыми и теперь морщились всякий раз, когда я спрашивала, как у них дела в школе.

Я была... ничем. И в этом «ничто» – неожиданно обнаружилась свобода.

Всё вокруг стало мягким.

Свет – не резал, а обволакивал, как тёплый шёлк.

Люди – не давили, а проплывали мимо, как тени в тумане.

Даже мысли – не крутились в голове, а медленно тонули, как листья в пруду.

«Как же легко... – пронеслось где-то в глубине. – Почему я раньше не знала, что можно просто... отпустить?»

Я улыбалась. Не потому что было весело. А потому что боль от предательства ушла.

И в этой пустоте – я почувствовала такой глубокий покой, что даже дышать стало необязательно.

Но потом...

Что-то дёрнуло.

«Как это необязательно? Почему боль ушла? Белов предал меня!»

Миг – и лёгкость исчезла.

Тело вернулось – тяжёлое, чужое, ватное.

Музыка – снова стала шумом. Свет – режущим. А дыхание – коротким, прерывистым.

Я открыла глаза.

Всё плыло перед взором.

Я пошатнулась, не совсем понимая, где нахожусь.

Руки не слушались. Казалось, я могу упасть – и не почувствовать удара.

«Что со мной? Почему я такая... лёгкая?»

Внезапно перед глазами стали сверкать странные вспышки.

Гул голосов сбивал с толку.

Потом кто-то схватил меня за рукав платья, не грубо, но твёрдо. Я пыталась вырваться, вяло заплетающимся языком возмущаясь неправомерностью происходящего, но всё было бесполезно.

Меня запихнули в какую-то вонючую машину.

Я пыталась сконцентрироваться – думать, но сознание уплывало.

В конечном итоге я перестала бороться с сонливостью и уснула.

Глава 4. Между вчера и завтра

Голова болела адски. Особенно, когда я сумела разлепить глаза... накрашенные.

– Больше никогда не буду столько пить! Даша?

Осторожно села, быстро моргая, чтобы сонная пелена, наконец, исчезла, и я смогла увидеть, почему спина и бока так болят.

– Что за матрас ты... – фраза резко оборвалась, когда я увидела, где нахожусь.

Это была натуральная камера! Кажется, она называлась КАЗ. С двух сторон стояли стены, с других двух – решётки в пол, одна из которых содержала в себе дверь на массивном затворе, а вторая отделяла... «мужскую половину», которая сейчас пустовала.

Как и моя, впрочем.

– Что за... – оторопело пробормотала я, растирая виски, простреливающие болью.

Я не понимала, как здесь оказалась. Но ещё хуже – за что?! У меня не получалось вспомнить, что было вчера. Из тумана событий удалось выхватить коктейль «Космический поцелуй» и Дашулю, зовущую меня на танцпол. Дальше – провал.

«Как я могла оказаться здесь?!»

– Белова. На выход.

Резкий приказ мужчины в форме заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я даже не заметила, когда он подошёл к камере!

Поднявшись, подошла к двери, в замке которой он поворачивал ключ, поглядывая на меня искоса.

– Простите, – заговорила я немного нервно, не понимая, с чего начать. – Вы не подскажете...

– Следуйте за мной. Подпишите протокол задержания и можете быть свободной.

– Что это такое? Какой ещё протокол?

– Смирнов, – окликнул полицейского второй сотрудник городской полиции. – Отпусти дамочку. Её уже ждут.

Мужчина медленно вздохнул, хмуро посмотрел на меня и вручил мне мою сумку.

Больше не задавая никаких вопросов, я накинула сумку на плечо, прикрыла дурацкое декольте и поспешила покинуть это ужасное помещение!

Вышла из здания в утреннюю морось, дрожа всем телом не от холода, а от паники.

Голова гудела, как после удара кувалдой. В горле першило. Губы пересохли.

А в памяти – полный ноль!

На улице меня ждала чёрная «Ауди» – та самая, на которой катали Илью.

Благоверный обнаружился в глубине салона, на заднем сидении, едва окошко опустилось.

В дорогом пальто, с непроницаемым лицом – он выглядел иначе, чем вчера. Окончательно и бесповоротно чужим.

Дверь переднего пассажирского сидения открылась, и показался Артур, начальник охраны. Тот самый, который вчера должен был «отвезти меня к Даше», чтобы «успокоилась».

Илья не вышел. Просто поманил пальцем – как подзывают дворнягу.

Артур открыл для меня дверь.

Я замерла.

Ноги не слушались, но желание узнать, что происходит, было сильнее гордости.

Я подошла и села на пассажирское место.

Дверь захлопнулась с глухим щелчком.

– Смотри, – коротко бросил Илья, не глядя на меня, и протянул планшет.

На экране – видео.

Я.

В «Зажигалке».

В бежевом платье с откровенным декольте.

Глаза – стеклянные, движения – механические, рот – открыт в беззвучном смехе.

Я танцевала, как марионетка.

Как наркоманка.

Под видео – заголовок:

«Танец жены успешного политика Белова: как рухнул идеал семьи».

Автор – блогерша с лицом ядовитой куклы.

Просмотров – 1 247 893.

Комментарии:

«Бедный Илья Иванович...»

«А дети-то как?..»

«Такие женщины не заслуживают быть матерью!»

Я задохнулась.

Сердце остановилось.

Пальцы впились в планшет.

– Ты... это ты подстроил, да? – прошептала. Голос дрожал от шока. – Подговорил бармена? Но как?!

Илья медленно повернулся. В его глазах плескался один холодный расчёт.

– Зачем такие трудности? – усмехнулся мужчина. – Всё оказалось намного проще... но не для тебя, дорогая. Ты хотела развода? Без проблем. Я нашёл решение, как исполнить твоё желание. Причём мне на пользу.

Он кивнул Артуру. Тот подошёл ближе к моему окну, молча достал из внутреннего кармана папку и открыл её прямо перед моими глазами.

Два заявления.

От двух незнакомых мужчин. С подписями, паспортными данными, датами.

Они утверждали, что я предложила им купить у меня «соль», а потом напоила их коктейлем с «чем-то странным», чтобы «развести на деньги».

– Что за хрень?! Такого не было! Я... я – не наркоманка!

– Это не «хрень», дорогая, а перспективы, – тихо, почти ласково протянул Илья. – Дам ход делу прямо сейчас, и тебя закроют, София. На пять лет – минимум. И знаешь, что самое приятное? Женщины будут плакать, глядя на меня по телевизору. «Бедный отец-одиночка, которого предала собственная жена...»

– Какая же ты свинья, Илюшенька! – вырвалось у меня, и я махнула планшетом, чтобы швырнуть его в окно.

– Делай, что говорю! – зарычал муж, резко хватая меня за запястье.

Боль вспыхнула – острая, жгучая.

– Подпиши отказ от раздела имущества. И от опеки над детьми. Сегодня. Сейчас. В суд явисься, когда назначат дату развода, и подтвердишь всё снова! Или я лично прослежу, чтобы тебя посадили за распространение наркотиков. Ты меня поняла?!

Я смотрела на Илью – и не узнавала.

Это был не мой муж.

Это был хищник, который годами маскировался под человека.

А в голове – только одно:

«Егор... Никита... Матвей... Они читают эти комментарии. Они видят это видео. Они думают, что я – предательница! И если я подпишу – я потеряю их навсегда. Но если не подпишу – меня посадят!»

Слёзы навернулись, но я не дала им упасть, видя, что мои страдания доставляют какое-то особое, неправильное удовольствие Белову.

«Он хочет растоптать меня. Чтобы моё имя стало грязью. Но за что? За то, что я уличила его в измене? За то, что нашла в себе гордость не терпеть этого?! Но разве... разве это неправильно? Разве за справедливое требование так расправляются с близким человеком?! Мы же не чужие люди... были. Зачем... Зачем поступать ТАК подло?!»

– Ты думаешь, я не найду способа доказать, что это подстава? – прохрипела, умолкая почти сразу, понимая, что мой вопрос – глупый.

Илья усмехнулся, так же это понимая.

– Попробуй. Только подумай: у тебя нет денег, нет адвоката, нет свидетелей. Даже мальчики после этой «сенсации», – Илья брезгливо поморщился, – попросят оставить их со мной, а не с тобой. Представляю, сколько им придётся выслушать колкостей от их же одноклассников уже сегодня...

Белов гадливо улыбнулся.

– Что же ты делаешь? – изумлённо спросила я шёпотом, наблюдая, как улыбка мужа искажается, и появляется звериный оскал. – Это же и твои дети...

– Не я! – заорал Илья почти мне в лицо, отпуская мою руку с раздражением. – Это делаешь ты! ТЫ стала играть в правильную! ТЫ поставила под угрозу мою карьеру! Я был вынужден! Наташа придумала выход...

– Наташа, – выдохнула я, сдуваясь, как тот воздушный шарик, который «отработал» чей-то День Рождения, и теперь никому больше не нужен.

– Подумай. У тебя есть десять секунд... потом Артур отнесёт заявление в полицию.

Водитель включил двигатель.

Илья отвернулся и стиснул челюсти, глядя перед собой.

Я заторможено продолжила смотреть на профиль мужчины, который вчера разбил моё сердце, а сегодня без каких-либо сожалений собрался растоптать мою гордость.

Задумалась настолько, что выпала из реальности.

Пришла в себя, когда Артур повернулся в сторону здания, из которого я только что вышла, и сделал несколько шагов.

– Стой...те, Артур Владимирович. Я... я подпишу.

Через пять минут машина Белова сорвалась с места, оставив меня стоять под накрапывающим дождём с пустотой в груди и отчаянием в мыслях.

Глава 5. «Прости...»

Не знаю, сколько я так простояла.

Наверное, долго, потому что одежда промокла, а я сама продрогла по ощущениям до костей, ведь кроме платья на мне больше ничего не было.

Я стояла возле обочины и обнимала себя за плечи, чувствуя дикое одиночество... Как будто вернулась назад в прошлое. В тот день, когда друг отца постучал в кабинет английского языка и попросил отпустить меня на несколько минут... Минут, за которые бедный мужик, переминаясь с ноги на ногу, пытался подобрать слова, чтобы сказать, что моей семьи больше нет... что я осталась одна.

– Осталась одна, – прошептала я, наблюдая, как промозглый ветер подхватывает сорвавшийся с дерева осиновый листок, потемневший от холода. Он уронил его один раз, потом другой. Листок трепыхался, как будто пытался вернуться обратно наверх. Будто отказывался принимать жестокую реальность.

«Совсем, как я... Ещё один листок на мостовой».

Я стояла.

Просто стояла.

Как будто земля подо мной больше не принадлежала мне.

Как будто даже дождь падал мимо – не на меня, а на ту, что ещё вчера верила в любовь, в семью.

Платье прилипло к телу, тяжёлое от воды, холодное, как гробовая рубашка.

Волосы – мокрые, растрёпанные, те самые светлые, что я вернула себе ради иллюзии возврата к себе прошлой, счастливой.

А вместо этого – позор.

Где-то вдалеке проехала машина.

Фары на мгновение осветили моё отражение в луже – бледное, с запавшими глазами, с губами, дрожащими от холода и дичайшей обиды.

«Прости... – подумала я, глядя на это отражение. – Прости, что не отстояла тебя. Что благополучие детей поставила выше твоей гордости. Прости, что в глазах людей позволила ему сделать из тебя монстра».

Слёзы, наконец, хлынули – горячие, солёные, беспомощные.

Они смешались с дождём, и никто не увидел, как я ломаюсь... Правда, не дождь был тому виной. Причина куда прозаичнее: в современном мире никому нет дела до слёз бывшей жены депутата. Тем более – наркоманки, как теперь обо мне станут думать.

«Хватит рыдать!» – одёрнула себя, вздрагивая как от пощёчины.

Сжала крепко ремешок сумки и побежала на остановку, где толпились люди.

«Надо добраться до Даши. Выпить чаю и подумать, как теперь действовать дальше. Она, небось, волнуется не меньше моего! А Илья... Да, он загнал меня в угол. Заставил подписать бумаги, но что-то же я ещё могу сделать, чтобы изменить ситуацию?»

На людей, поглядывающих на меня с интересом (ведь уже давно наступил сезон курток!), я старалась не обращать внимания.

Добралась квартиры Прокофьевой за полчаса. В автобусе согрелась.

Пока ехала, проверила телефон и содержимое сумки. Из хорошего: документы лежали на месте, а ещё в боковом кармашке обнаружила ключи от новенькой машины, оформленной, кстати, на моё имя.

Недолго думая, выставила её на Авито с плашкой «Срочно». Учитывая рвение Белова, он и её возьмётся оттяпать, значит, надо успеть продать машину до подачи заявления на развод!

Одно досадно – на половину цены, потому что Ауди за 15 миллионов точно за пару дней не продать, а у меня сроки горят!

«Хорошо, конечно, иметь транспорт, но она стоит как приличная трёхкомнатная квартира. Если сейчас не подсуетиться, я вообще останусь без штанов! Было бы здорово оформить квартиру на Дашу... У меня больше никого нет, кому можно довериться».

К собственной досаде не обнаружила ни одного звонка от мальчиков. Даже сообщения! Ни одного.

Учитывая, что сейчас было раннее утро – 6.30 – паниковать рано, однако интуиция вопила, что мне придётся тяжело.

«Илья решительно настроен придерживаться лживого фарса. Легенду организовал такую, что жуть берёт! Страшно за сыновей. Как бы мои попытки доказать им свою невиновность не привели к тому, что мальчики попадут под жернова адского пиара! Необходимо всё тщательным образом обдумать, поэтому придётся оставить всё, как есть, надеясь на благоразумие подростков. Хах!»

С мрачным выражением на лице я поднялась на третий этаж и позвонила в дверь Прокофьевой.

Даша открыла почти сразу.

Выглядела подруга безумно: лицо – опухшее от слёз, глаза красные, халат помятый.

Она бросилась меня обнимать, всхлипывая. Затянула в коридор.

– Тише, Даша, – пыталась ободрить Прокофьеву, хотя вроде как должно быть наоборот. Но в автобусе я немного успокоилась и возвращаться в то состояние опять категорически не хотела. Слёзы мешали думать! – Я в порядке. Только унижена до уровня плинтуса, но кто там ни бывал? Верно? Ничего! Справимся! Я...

– Прости меня! Прости! – зарыдала с надрывом Дашка, пребывая в состоянии настоящей истерики. – Я не хотела! Я никогда бы... – полилось из Прокофьевой, и я опешила.

По телу пронеслась волна кипятка, как вспышка осознания. В голове роились мысли, складывая пазлы в неприятную картину полного предательства.

– Это никакой не бармен, верно? – прошептала онемевшими губами, отшатнувшись от «подруги».

От моей Даши...

Той, которой я помогала, когда её бросил муж с больной дочкой на руках...

Той, которой я уговорила Илью найти квартиру, выбить лекарства, устроить на работу...

Той, с кем я плакала в роддоме, держа за руку.

– Это ты, да? Ты подсыпала мне наркотики?

«Не просто подсыпала! Подала мне коктейль собственными руками. С улыбкой. С заботой. С фразой: «Ты заслуживаешь быть счастливой!»

– А я... я даже на тебя не подумала. Дура.

«Наивная, доверчивая дура, которая до последнего верила, что в мире осталось хоть одно честное сердце!»

– София! – жарко зашептала Прокофьева, пугая безумным блеском в глазах. – Иван заставил меня! Он... он обнаружил ошибку в моём отчёте. Куда-то делись два миллиона из счетов фонда! Он сказал... – Даша зарыдала, с отчаянием цепляясь за рукава её же кремового платья, которое было на мне. – Прости! Прости!!! Мне не оставили выбора! Я нужна Алинке!

«А я, похоже, никому не нужна».

Я стиснула челюсти, стойко принимая новый удар судьбы, который почему-то оказался ещё болезненнее предыдущих, сдёрнула с вешалки своё пальто и открыла дверь на лестничную площадку.

– Софа! Софа, прошу! Остановись! – хватаясь за меня, Даша пыталась помешать, но я больше не желала оставаться здесь. Просто не могла.

Меня как будто отравили ядом. Предательство близких оказалось слишком токсичным. Я не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть. В голове грохотал такой звон, что перед глазами заплясал подъезд.

– Софа... пожалуйста... Прости.

Насильно сделав глубокий вдох, я схватилась за перилла лестницы, замирая лишь на мгновение, чтобы бросить через плечо.

– Совет от подруги... бывшей подруги, Даша: уволься, пока не стало поздно. Иван оказался другом, «достойным» Белова. Держись от него подальше. Насчёт прощения... Боюсь, с этим тебе придётся справиться самой. У меня нет сил облегчать чью-либо совесть, кроме своей собственной. Прощай.

– София! София... – Даша с неприятным звуком сползла по железной двери, тихо всхлипывая и бормоча что-то тихое.

Оказавшись на улице, я плотно запахла пальто и посмотрела по сторонам, толком не замечая ничего.

Глава 6. Ход конём

Несмотря на промозглый ветер и влажное платье, тело быстро согрелось. Особенно, когда я накинула на голову капюшон.

В кармане отрезвляюще завибрировал телефон.

Я тут же схватилась за него.

Экран мигнул:

«Мам, ты где?..» – от Никитки.

Средний из близнецов всегда был самым беспокойным, но ласковым и заботливым. У меня даже не возникло ни одного сомнения, что он примет мою сторону.

Я замерла, обдумывая, что ответить.

Пальцы дрожали над клавиатурой.

«Сынок, всё хорошо. Я в порядке, но у нас наступают сложные времена. Скажи братьям вести себя тихо. Если обо мне станут говорить плохо – не реагируйте. Всё ложь. До совершеннолетия вам осталось совсем чуть-чуть. Мы потерпим. Решение – говорить братьям об этом сообщении или нет – прими сам. Ваш папа... заигрался в политика. У меня нет ресурсов, чтобы дать ему достойный отпор. Пока нет, но я обязательно что-нибудь придумаю. Пожалуйста, поверь мне... Как прочтёшь сообщение – удали. Свяжусь с тобой в следующий раз с другого номера. Назовусь «♥Полиной♥». Если за тобой к этому времени уже будут следить, скажешь, что это девочка из школы. Наверное, дико всё это звучит, но таковы наши новые реалии. Держитесь! Я люблю вас».

Отправила. Дождалась двух синих галочек и выключила дисплей.

Правда он тут же засветился вновь, оповещая сразу о двух смс.

Одно было от Никитки с истеричным: *«Какая "Полина", мам?! Папа сказал, что вы разводитесь!!! Это правда?! Правда, что тебя сегодня ночью арестовали в клубе? Что ты была под наркотой? Ты... в себе сейчас? Что за шпионские игры?»*.

А вот второе – уведомление со странички профиля.

Мужчина писал, что готов забрать мою новенькую АУДИ за 7 миллионов прямо сейчас. Житель Воронежской области.

Внутри меня словно лампочка вспыхнула:

«Дядя Вася, папин друг, живёт в Воронеже! Больше я не знаю, к кому обратиться, чтобы уберечь хотя бы эту сумму. Даша... больше ей доверия нет, а кроме неё я ни с кем в последние шестнадцать лет не общалась».

Я достала из сумки ключи, написала покупателю, что буду в его городе через 10 часов, и завела мотор.

Так же быстро ответила Никите:

«Сынок, я понимаю, что со стороны всё выглядит более чем странно, но... такова правда. Чтобы я подписала отказ на раздел имущества и на опеку, папа с тётей Дашей опоили меня наркотиками. Вот, как бывает, когда ты становишься врагом человеку, который раньше был твоим самым близким человеком. Я пишу тебе всю правду без прикрас, потому что знаю: ты у меня самый сдержанный. Не говори мальчикам ничего. А лучше... и сам сделай вид, что ничего не знаешь. Что ты принимаешь сторону отца».

«Тётя Даша и папа... Мам, я не уверен, что у меня получится... "принять сторону отца". Я вообще не уверен, что смогу... тем более перед пацанами. Знаешь, Матвей... он в ярости. Он верит отцу. Говорит... не важно. Главное – мне хочется ему врезать».

«Обуздай свои порывы, сынок. Потом, когда правда вскрыется, твоему брату будет стыдно. Сейчас нельзя допустить раздоры между вами. И привлекать внимание отца тоже не

следует. Я нашла кое-какой выход. Если всё получится, то очень скоро я смогу не только встать на ноги, но и вернуть себе доброе имя! А там – мы поборемся!»

«Значит, сделать вид, что я – такая же обиженная, как Матюха?»

«Да».

«Хорошо, ма. Будь осторожна. Я люблю тебя».

На глаза набежали слёзы.

Я отправила сердечко и быстро заморгала, выруливая на заправку.

«До Воронежа путь не близкий. Заодно проверю карты. Все заблокировать успел? Если нет, то перекину на свой счёт по максимуму. И уже с него сниму налички побольше... – у меня была потрясающая идея, как уберечь деньги от продажи машины, чтобы Илья со своими загребущими руками до них не добрался. – Только бы дядя Вася был в добром здравии!»

Заправив машину до полного бака, выехала на трассу.

Ехала по платной дороге, вжимаясь в сиденье, будто от этого зависело, успею ли я вообще доехать. Голова гудела, как перегретый двигатель. Мысли крутились без остановки – то о дяде Васе, то о сыновьях, то опять о Наташе.

«Жив ли он вообще? Дядя Вася... Папин боевой брат. Они служили вместе в Армии. В артиллерийской войсках. В Армении, кажется. Не помню точно. Но помню, как папа смеялся его шуткам, как они пили чай на веранде, шутливо споря о чём-то, что мне тогда казалось скучным и далёким. А теперь – это единственная ниточка, за которую можно ухватиться. Номера телефона дяди Васи у меня не нет – не сохранила, глупая курица! Но адрес... адрес я знаю наизусть. Дом с зелёной калиткой на окраине Воронежа, липы у забора, скрипучая половица на крыльце. Мы ездили туда каждое лето, пока родители были живы. Потом – жизнь меня закрутила, Илья пошёл в политику, дети забрали всё моё внимание, а я... я просто забыла, что у меня ещё есть кто-то, кроме них. А теперь – возвращаюсь к нему, как к последнему маяку».

И снова мысли об Илье. И снова – Наташа.

«Интересно, он знает, что это именно она виновата в том, что я уличила его в измене? Знает, что её советы – вполне коварный женский способ прибрать женатого мужика к рукам? Он вообще думать разучился? Наташа – не я. Она с головой нырнула в эти политические игры, где трудно встретить по-настоящему достойного человека. Он сам же вручает Наталье ниточки, за которые она потом сможет дёргать в силу своей осведомлённости. Или именно такая – коварная змея – ему всегда была нужна?»

Я сжала руль так, что костяшки побелели.

Глупо злиться сейчас. Глупо вообще думать о нём. Но не получалось выкинуть из головы. Как будто он всё ещё сидит рядом – в костюме Brioni, с фальшивой улыбкой и холодными глазами... Надёжный как скала – этого у него не отнять... было. Теперь же более ненадёжного человека я просто не знаю. Предатель и мразь!

«В суд явишься, когда назначат дату развода, и подтвердишь всё снова! Или я лично прослежу, чтобы тебя посадили за распространение наркотиков. Ты меня поняла?!»

Я тряхнула головой, отгоняя от себя болезненное воспоминание.

А мысли снова в атаку:

«Сыновья... Господи, как они там? Уже вечер. Гимназия вроде казалась приличной, но... Илье выгодно, чтобы все и каждый осмеяли моё имя и пожалели его в новом статусе «обманутого порядочного семьянина». Мальчикам не избежать насмешек, перешёптываний в стиле: «ваша мама – наркоманка». Никита, может, и держится, но Матвей... Матвей всегда был папиным мальчиком. А Егор? Молчит. Ни звонка, ни смс. И это хуже всего.

Хотелось спать. Дико. Глаза слипались, но я не смела останавливаться. Ехала вперёд, только по платным участкам – там почти не встречались КПП, значит, меньше шансов, что меня остановят. Смешно, конечно... но вдруг Илья уже навёл справки? Вдруг его люди следят

за моими перемещениями? У него же связи – на все уровни. Что, если он уже знает, что я еду в Воронеж? Что, если он пошлёт кого-то перехватить меня до того, как я успею продать машину?

Конечно, это ему ни к чему – он меня без этого растопчет, если захочет, но вдруг?!

Я резко перестроилась, будто за мной уже гнались. Сердце заколотилось.

В Воронеж въехала вся на нервах, почти в восемнадцать ноль-ноль. Город встречал сумерками и запахом мокрого асфальта.

Я трянула головой, пытаюсь отогнать панику. Нельзя сейчас бояться. Нельзя допускать страх. Надо думать. Действовать.

Парень, который клятвенно заверил, что с руками оторвёт у неё новенькую «Ауди», уже ждал в условленном месте – я видела его сообщение ещё на трассе. Но не спешила.

Сначала – дядя Вася.

Повернула на Ленинградскую, проехала два квартала и остановилась у знакомого дома. Сердце стучало где-то в горле.

Я вышла из машины, поправила пальто и пошла к калитке. Сердце колотилось так, будто я не просто пришла к пожилому мужчине, а стучусь в дверь последней надежды.

Свет горел в окошке. Тёплый, жёлтый, домашний. Не холодный, как в особняке, где теперь Илья, наверное, потирает руки, думая, что его новый виток пиара удался на славу.

Я постучала.

Тишина.

Постучала ещё раз – чуть громче.

Изнутри слышались шаги. Медленные, но уверенные. Потом – скрип замка, и дверь приоткрылась на цепочке.

– Кто там? – хриплый, но знакомый голос.

– Дядя Вася... это я. София. Дочь Лёни Светличного.

На мгновение всё замерло. Потом – резкий щелчок цепочки, и дверь распахнулась.

Передо мной стоял старик. Высокий, хмурый, с лицом, изрезанным морщинами, как карта старых боёв, но с завидной выправкой. Волосы – седые, почти белые, глаза – такие же, как у папы: тёплые, но с искоркой стали.

Он молча смотрел на меня. Потом – медленно, будто не веря, поднёс руку и коснулся моего лица.

– Софийка... – прошептал дядя Вася, и в голосе его дрогнула боль. – Господи... Как ты на мамку свою похожа! Но глаза у тебя Лёнькины. Проходи, девочка! Что случилось? Ты вся дрожишь...

Я, действительно, дрожала. От эмоций, всколыхнувшихся внутри.

Дядя Вася так постарел! А ведь он был папиным одноклассником!

Мысль о том, что отец сейчас выглядел бы так же, если бы не тот ужасный несчастный случай с обвалом на месте раскопок, полоснула по сердцу не хуже ножа.

Слёзы покатились из глаз.

Я тупо разрыдалась.

Дядя Вася завёл меня в дом, чуть приобнимая. Что-то бормотал о том, что всё у меня наладится, что бы не случилось.

Помог снять тёмно-синее пальто, проводил в гостиную и быстро поставил чайник на плиту, прежде чем сесть напротив и глубоко вздохнуть.

К этому времени я уже смогла кое-как взять себя в руки, мысленно ругая, что напугала старого человека. Но психика тоже ведь не железная. Ей, как и всему в этом мире, нужно скидывать напряжение, а за последние сутки его набралось не мало! Наверное, даже больше, чем за последние шестнадцать лет.

– Рассказывай, Софийка, что тебя привело к старому дяде Васе, – осторожно начал наш разговор мужчина, двумя руками опершись на золотой набалдашник старой, но очень красивой

трости. Впрочем, какая ещё может быть трость у когда-то успешного ювелира? – Давно мы виделись. Почти двадцать лет прошло...

– Да, – я кивнула, неловко прикрывая палантином дурацкое декольте кремового платья, которое пока не было времени поменять на что-то стоящее.

Оглядевшись, заметила нарядно украшенную ёлочку, что было довольно странно, ведь до Нового года ещё полтора месяца.

Старик, заметив мой взгляд, мягко улыбнулся.

– Не разбирал её. Как Машенька нарядила, так я и...

«Машенькой» звали жену дяди Васи – добрую, пухленькую женщину, которая всегда мило улыбалась или заразительно хохотала на каждую шутку своего мужа. Глядя на них и на своих родителей, я никогда не сомневалась в любви. Не просто верила, что она существует, а знала наверняка! И даже поступок Ильи сейчас этой уверенности не пошатнул, как ни странно. Я всего лишь убедилась, что глубина падения личности индивидуальна, и зависит она от разного набора приобретённых временем пороков, которые свойственны даже идеальному с виду мужчине.

Я открыла рот, чтобы спросить, где тётя Маша, но дядя Вася мотнул головой, отвечая раньше самого вопроса:

– Говорят, что женщины живут дольше мужчин. Брешут, собаки. Машеньки почти год, как нет рядом со мной, а я вот живу... внучкам помогаю. Сын – гость нечастый из-за вахтовой работы, а вот девочки его – те никогда старика не забывают. Обстирывают, обхаживают... Анютка, старшенькая, так и вовсе рядышком дом купила. Да ты не плачь, девонька. Все там будем. Главное, чтобы вовремя... Чтобы, уходя, чувствовать здесь, – старик хлопнул себя в районе солнечного сплетения, грустно усмехнувшись, – что ты всё сделал правильно... Что ты приходил в этот мир не зря. Хэх... Но на ёлочку у нас в девчатками рука не поднялась, чтобы её разобрать. Всё. О себе я рассказал. Твоя очередь. Не смотри, что я старик. Помогу, чем смогу.

Я растёрла слёзы по щекам и, не скрывая ни одной детали, рассказала единственному оставшемуся близкому человеку всё, что со мной произошло за последние сутки.

Дядя Вася помрачнел на глазах. Нахмурил брови, поджал губы и стиснул пальцами набалдашник трости так, что они побелели.

– Паскуда он, твой Илья. Такую женщину просрать, прости за грубость... Недоумок. И что ж ты придумала? Если тягаться с ним или искать справедливости – позволь дать тебе стариковский совет.

– Нет. В смысле, не собираюсь я с ним тягаться или как-то мстить. По крайней мере, не сейчас, когда у нас настолько разные весовые категории. Конечно, хотелось бы справедливого отмщения за скотский поступок Ильи... но я не настолько наивна, чтобы верить в божественное возмездие.

– А зря, детонька. Ещё ни один не ушёл. Не ходят среди нас бессмертные. Все люди «голозадыми» отправляются в могилу. И сколько бы не наворовали – всё одно: в саван, да к червям.

Я вздрогнула, поёжившись.

И вроде ничего сверхумного старик не сказал, а я как будто в глаза Вселенной заглянула. Жуткое ощущение мороза по коже.

– М-да. Но пока мы приближаемся к этому «славному» дню, – хмыкнула, позволив себе чуточку иронии, – я хочу просто выжить. Для начала. Из личного имущества у меня только машина. Илья подарил. Конечно, всё подаренное суд не делит в процессе развода, но я хочу подстраховаться. Когда-то мама с папой открыли так на моё имя счёт. И оформили его как «дарственный». Я, дура, имела глупость его закрыть. Даже не помню, по какой причине. Вот и хотела попросить вас открыть на моё имя такой счёт. Сегодня, в крайнем случае завтра. А ещё... поехать со мной на встречу с потенциальным покупателем. У вас был счётчик банкнот...

– Да. Был и есть. – Дядя Вася с кряхтением поднялся и открыл стеклянную дверцу длинного серванта и достал из его глубин знакомый аппарат. – И лучше счёт открыть сегодня, раз твой мужёк такой ушлый. Ты – умница. Всё правильно делаешь. Открыть дарственный счёт на своё имя и положить туда вырученные за машину деньги – отличное решение. А ещё ты по правильному адресу приехала. Моя внучка старшая работает в банке. Только нам надо торопиться, потому что в 20.00 они закрываются.

Дядя Вася захватил необходимые документы, позвонил внучке, и мы быстро загрузились в машину, выезжая на встречу с парнем, который уже оборвал мне телефон от нетерпения. Когда ещё так повезёт? Взять новенькую Audi Q5 Sportback в полцены?! Жалко ли мне было так дешевить? Определённо, но лучше не испытывать свою удачу и двигаться вперёд по шажочку.

«Может, так я и подкрадусь незаметно к возмездию и сумею насладиться им сполна, наблюдая, как сама Судьба возит лицом Илюшеньки по всем неровностям его лицемерного успеха вместо меня?!»

Глава 7. Сделка

Место встречи было назначено на проспекте Труда – оживлённой улице, где даже в такое позднее время сновали машины и спешили домой люди.

Покупатель, молодой парень, приехал с отцом на его чёрном BMW, но, судя по всему, из-за того, что мужчины ждали нас долго, старший явно был в дурном расположении духа. Он хмурился, постукивал пальцами по рулю и бросал раздражённые взгляды на прохожих.

Когда я наконец подъехала, остановившись у обочины, именно он резко распахнул дверцу и вышел. Лицо «отца» было напряжено, но, рассмотрев владельца «Ауди», он быстро избавился от дурного настроения и по-кобелиному улыбнулся – широко, с намёком на покровительство и самодовольство.

– Ну наконец-то, – широко улыбнулся он, прогоняя раздражение. В его голосе слышалась заинтересованность. – Я уж думал, нас кинут. Владимир...

– София.

Я кивнула, стараясь не обращать внимания на его улыбку. После улыбок Ильи – уверенность на лицах таких мужчин больше не была для меня в цене. Я так обожглась, что теперь за каждой фальшивой доброжелательностью видела фасад подлого хищника.

– Извините за опоздание, – сказала сухо. – Отвратительная погода.

Владимир кивнул, уже не особо слушая. Его взгляд скользнул по кузову «Ауди» – оценивающе, жадно. Рядом с ним стоял его сын – девятнадцатилетний парень с вызывающе-уверенным видом, будто весь мир был ему должен.

«Мажор... Такими всегда хотел видеть наших сыновей Илья – хозяевами жизни. А я просто воспитывала порядочных людей втихомолку... наверное, поэтому Илью мальчишки любили безусловной любовью, а я всегда казалась им строгой. Хм... Интересно, Матвею и Егору этот момент помог встать на сторону Белова? Тогда почему Никита выбрал меня? Если выбрал, конечно. Неизвестно, какой стороной повернётся наше ЗАВТРА».

– Ну что, покажите вашу красавицу, – сказал Владимир, щурясь от ветра, который дул с оживлённой дороги.

Я открыла дверцу.

Машина блестела, как новенькая. Хотя, почему «как»?

Владимир обошёл её со всех сторон, время от времени кивая. Сын уже сел за руль и принялся возиться с кнопками – громко хмыкал, когда что-то включал.

– Всё чисто, – кивнул Владимир. – Мы пробили машинку по базе, пока вас ждали. Без ДТП, без залогов. Значит, можно заключать сделку.

Дядя Вася молча достал из сумки счётчик банкнот и поманил мужчину к себе на заднее сидение.

Владимир усмехнулся, вытащил небольшую спортивную сумку из своего БМВ и подошёл к моей незаменимой поддержке:

– Ууу... как всё серьёзно? Боитесь, что я фальшивку подсуну?

– Чтобы бояться, надо для начала человека знать, а Софа вас впервые видит, – спокойно ответил дядя Вася. – А машинку я прихватил, чтобы мозг лишний раз никому не напрягать, хотя люблю это дело.

Открыв сумку, дядя Вася погрузился в работу и стал пересчитывать деньги.

Купюры хрустели, как сухие листья.

Владимир наблюдал, прищурившись, а парень довольно улыбался, любуясь собой в зеркало заднего вида.

Когда дядя Вася закончил, он кивнул, закрыл сумку и вышел с ней из машины:

– Всё в порядке. Семь миллионов, как и договаривались.

– Спасибо, – сказала я, чувствуя, как комок в горле начал таять. – Пусть она вас радует. Поставила подпись на договоре купле-продажи, передала мужчине все необходимые документы, забрала свою сумочку и подошла к дяде Васе.

Владимир хмыкнул, но потом прищурился, всматриваясь в моё лицо.

– Хм... А вы, случайно, не та самая... как там её? Из новостей?

Я нахмурилась.

Лицо бросило в жар.

«Что значит, "из новостей"?! Эта скотина выставила нас на всеобщее посмешище в масштабе страны?! Совсем крыша поехала в погоне за пиаром?!»

– Ага... – кивнул своим мыслям Владимир, хмыкнув. – Точно вы. Теперь многое становится понятным. Бракоразводный процесс, скандал, наркотики... – он покачал головой. – Что ж. О машине можете не волноваться. Мы позаботимся о вашей красавице.

Он сел в BMW, машина тихо заурчала и уехала.

Парень завёл «Ауди», выглянул в окно и крикнул на прощание:

– Спасибо, тётя! Удачи вам! – и машина сорвалась с места.

Я даже улыбнулась. Впервые за сутки искренне.

Дядя Вася вздохнул:

– Пошли, девочка. Моя Анечка уже ждёт нас. Нельзя терять время. Его осталось не так много.

Мы не стали рисковать несмотря на то что до здания банка была всего лишь пара остановок. Я вызвала такси.

По дороге проверила телефон.

Карта, привязанная к Яндекс.Такси была заблокирована.

Сердце екнуло, но тут же я обрадовалась.

«Молодец, что перекинула двадцать тысяч на личную карту ещё утром! И половину суммы сняла».

Расплатилась наличными.

В банке нас встретила стройная женщина средних лет, с симпатичным тёмным каре – Анна, внучка дяди Васи.

Она работала здесь больше десяти лет, и была в высшей степени компетентна, поэтому быстро взяла меня в оборот.

– Идите за мной, – коротко бросила она, одарив внимательным взглядом.

Я перехватила спортивную сумку у дяди Васи – та была прилично тяжёлой – подала ему свой локоть и быстро пошла за женщиной.

За спиной остались улицы Воронежа, шумящие ветром и дождём. Но внутри – ощущение, что я впервые за долгое время смогла сделать настоящий шаг вперёд. Не назад. Не в сторону. А именно – вперёд.

В банке Анна провела нас в тихий зал для VIP-клиентов. Стекланные перегородки, мягкие кресла, кофе в сервизе – всё как полагается.

Дядя Вася выложил документы на стол, и я с трепетом посмотрела на них. Паспорт, СНИЛС, ИНН – всё на месте.

– Итак, София, – начала Анна, занимая место за своим рабочим столом, – мы откроем вам дарственный счёт. По закону, это значит, что все средства, внесённые на этот счёт, будут числиться за вами как одариваемой, без права на возврат со стороны дарителя. В нашем случае, дарителем будет господин Михайлов.

– Внуча... ну какой там господин? – смутился дядя Вася, по-молодецки поправив седые усы.

– Василий Сергеевич... – мягко улыбнулась женщина, быстро набирая что-то на клавиатуре, – я на работе. Далее! Такая передача считается абсолютно легальной, и не будет входить в

список бракоразводного имущества. Банк оформит договор дарения между вами на законном основании. Счёт будет полностью ваш, и никто – даже супруг – не сможет претендовать на эти средства в рамках развода.

– А можно ли заморозить эти деньги на какое-то время? – спросила я. – Чтобы я не могла их потратить?

– Конечно, – кивнула Анна. – Мы можем оформить срочный вклад на два года. По условиям выбранного тарифа «Стабильность плюс» вы не сможете снять средства раньше срока без потери процентов, а если попытаетесь – банк наложит дополнительные ограничения. Это будет ваш личный сейф, только с цифровым замком.

Я кивнула. Это было то, что нужно.

– Давайте так и поступим. Эти деньги – моя будущая жилплощадь, с которой я точнее определяюсь, когда мальчикам будет по восемнадцать. Не хочу рисковать и покупать квартиру сейчас.

Дядя Вася аккуратно выложил купюры из сумки на счётчик. Семь миллионов – семь миллионов рублей.

Я смотрела, как цифры высвечиваются на экране, и внутри что-то переворачивалось от волнения.

– Подпишите здесь и здесь, – указала Анна на пунктирные линии. – Всё. Счёт открыт. Вклад оформлен. Деньги заморожены на два года.

Я расписалась. Дрожащей рукой, но решительно.

Дядя Вася положил руку на мою:

– Теперь ты в безопасности, девочка. Пусть денег хватит по нашему времени на однушку, но это всё же лучше, чем ничего.

Я вяло улыбнулась и втихомолку вызвала такси на автостанцию.

Когда мы выходили из банка, Анна вышла проводить нас. На улице уже стемнело, и влажный ветер гнал по асфальту осенние листья.

– София, – сказала Анна, – берегите себя. И если что – мы всегда будем рады вам помочь.

К собственному удивлению я сделала шаг и крепко обняла её, чувствуя дикую признательность.

Дядя Вася предложил:

– Девочка, может, останешься у меня? Хоть первое время. Пока разберёшься.

Я мягко улыбнулась, но решительно покачала головой:

– Спасибо, дядя Вася. Но я должна вернуться. У меня большие планы.

Когда такси подъехало, я обернулась к старику, который с тревогой смотрел мне вслед.

– Скоро развод, – пояснила просто. – Уверена, он состоится раньше, чем через месяц. До выборов Ильи на региональном уровне совсем немного времени. А на федеральном – полгода. За это время я должна отобрать у Ильи то, чего он жаждет...

– Что же это? – спросил дядя Вася.

– Жалость! – ответила с широкой улыбкой на губах, садясь в такси. – Клянусь, не пройдёт и двух месяцев, как эти люди будут жалеть меня!

– Удачи, детонька!

– Успехов! – махнула на прощание Анна, мягко приобнимая старика.

И такси тронулось с места.

Я смотрела в окно на огни города, чувствуя, как внутри нарастает решимость.

«Илья думает, что сломал меня. Что сделал из меня наркоманку, предательницу... люмпена! Он ошибается! Я всего лишь разбита. А разбитое – можно перековать. И я перекуюсь! В этом мне поможет каждый день. Каждый шаг. И простое упорство, которое уважает даже самый противный "диванный критик"! И тогда наступит время, когда я выйду из тени порицаемой женщины! И отомщу злыми языками этих самых критиков!»

Глава 8. Внезапная поддержка

Путь домой предстоял неблизкий. Это на машине по трассе можно было добраться за 12 часов от Воронежа до Самары, а на автобусе, с периодическими остановками и одной пересадкой в Саратове на всё про всё выходило около 17 часов.

Я планировала поспать: воткнуть наушники в уши, включить что-нибудь спокойное и подремать немного, но мысли мучали меня невероятно долго.

Илья, дети, Наташа... и самое обидное Дарья! И так по кругу, пока не захотелось взвыть от досады, ведь, думая о них, страшно хотелось пожалеть себя... а этого я никак не могла допустить! Именно с жалости к себе начинается саморазрушение.

Мои терзания, больше напоминающие внутреннюю борьбу сознания и подсознания длилось почти до рассвета, пока я не выбилась из сил, а за окном огромного двухэтажного автобуса не разразился настоящий ливень.

И надо же такому случиться! Стоило только задремать, как шум моря в ушах оборвался тихой вибрацией входящего вызова.

Спросонок я долго всматривалась в экран, пытаюсь понять, кто мне звонит. Номер был не знаком. Совершенно.

На свой страх и риск приняла вызов...

– Алё... Тётя Софа? – такой родной голос Алины, как будто ножом полоснул по сердцу, обнажая всю боль от пережитых потерей и предательства.

– Аля, – прерывисто выдохнула я, крепко сжимая пальцами корпус телефона.

– Тётя Софа, – всхлипнула малышка, выросшая у меня на руках.

«Эх, Даша-Даша! Что же мы все наделали?»

– Тётя Софа... Простите маму. Она... не хотела. Я... – Алина запинаясь, чтобы голос не сорвался, и прямо-таки видела, как она плачет где-то там, так же, как и я, сжимая смартфон.

– Я хочу встретиться с вами. Я... Я знаю, как вам помочь.

– Помочь?

– Да, – с жаром заверила меня Аля, шмыгнув носом. – У меня в колледже появились друзья. Пара из них – крутые блогеры! Они...

– Стоп, – остановила я девчущку, принимая более ровное положение на сидении автобуса. – Я, кажется, поняла, чем вы собрались мне помочь – пойти напролом в интернет с голой шашкой на депутатский пиар Белова. Да?

– Эм... Вроде того, – растерялась Алина. – Но вот вы сказали, это уже звучит не так круто.

– Потому что тактика «в лоб» годится только для тех, у кого за спиной стоит защитник уровня «Бог». Так как у меня такого персонажа в жизни не осталось, я собираюсь действовать иным образом...

– Что бы вы ни придумали, я с вами, тётя София, – решительно заявила девчущка шестнадцати лет, пусть и дрожащим голосом.

Мы условились встретиться в эти выходные, и я отключилась.

В Пензе купила на автостанции пару пирожков (на свой страх и риск – уж очень была голодной!), салат в пластиковой таре, бутылку воды и загрузилась вместе с остальными своими попутчиками в другой большой автобус, который уже шёл напрямик в родную Самару.

Когда ночь прошла, а новый день уже перевалил за двенадцать, и до родного города осталось не больше пары часов, я включила телефон, чтобы забронировать номер в отеле.

Представьте моё удивление, когда бронь отклонил сначала один отель, потом второй... а за ним и третий. Якобы нет мест!

Такой ответ я восприняла со всем скепсисом. Когда это Самара стала бумом для туризма?! Что-то я упустила этот момент! А вот то, что Илья знал лично владельцев этих оте-

лей – более реалистичная причина для отказа в проживании почти бывшей жены местного общественного деятеля. Ещё и такой, которая попала в скандал, облетевший чуть ли не всю нашу расчудесную страну за какие-то сутки!

Смахнув с щеки предательскую слезу, я открыла сайт с предложением посуточного жилья. Никогда не пользовалась раньше услугами подобной ниши, но мне хотя бы пару дней жизненно необходимо, чтобы просто прийти в себя и собраться с мыслями.

Отдохнув, я снова заведу свои турбины на полную мощность и составлю план дальнейших действий.

Вернуть себе доброе имя – работа не из лёгких! Как по мне существует несколько вариантов. И тот, который выбрала я, не самый простой. «Долгоиграющий», с видимой тонкой грацией, которая до последнего будет казаться твоему противнику слабостью и преждевременной победой.

«А потом, когда «ружьё» всё-таки выстрелит, Илюше уже не остановить тот локомотив человеческих мнений, который я спущу на него!» – усмехнувшись, я выбрала самую дешёвую квартиру недалеко от здания суда и прикрыла глаза.

В этот раз мне не отказали. Обещали встретить с распростёртыми объятиями возле подъезда, так как хозяйка – женщина в возрасте, и живёт она в том же доме.

Когда автобус въехал на территорию автопарка, я сонно зевнула.

«Какой-то закон подлости! Только задремала...!»

Из-за недосыпа голова раскалывалась. Да и в животе забурчало, правда, непонятно по какой причине: жирных пирожков или банального голода, который эти два приплюснутых пирожка не сумели утолить.

Так как съёмная квартира находилась почти на соседней улице с автовокзалом, я решила пройтись... на свой страх и риск – всё-таки, наличка, которую я оставила себе на первое время, сейчас лежала на дне той самой спортивной сумки. Владимир со своим сыном уехал так быстро, что мы с дядей Васей даже опомниться не успели! Впрочем, я за этот «подгон» была только благодарна.

Пока выходила из здания вокзала, в меня прилетело несколько косых взглядов. Да таких пристальных, что я была готова передумать и взять такси. Но внимание прохожих было направлено не на мой багаж, а на лицо – во мне узнали ту самую Софию Белову. Некоторые даже без смущения тыкнули пару раз в мою сторону указательным пальцем.

Пришлось ускориться, а на выходе ещё и палантин на голову повязать, но это мало помогло. Такого угнетающего чувства я никогда не испытывала!!!

Проходя мимо очереди такси, я решительно зашагала вперёд, стараясь не обращать внимания на шёпоты и взгляды. Сердце колотилось где-то в горле, а в ушах звенело от напряжения.

«Не сейчас, – говорила я себе. – Только не паниковать. Я справлюсь».

Улица было достаточно оживлённой, чтобы я конкретно понервничала, но чем меньше оставалось до заветного подъезда, тем меньше людей попадалось на пути.

Дом – пятиэтажка стоял в старом микрорайоне. Покосившиеся скамейки, детские площадки с ржавыми качелями... Совсем не то, к чему я привыкла в своём особняке за двухметровыми стенами.

«Хах! Такая же мажорка, как тот воронежский мальчишка. Разница лишь в том, что меня довольно грубо вернули в житейские реалии простых смертных! Типа: «Не забывай, Софа, кем ты была, и кто ты есть на самом деле!»

Позвонив хозяйке, получила новую установку – подниматься до двери квартиры без домофона.

Подъезд пах плесенью и затхлым потом прошлого. Стены были окрашены когда-то в бежевый цвет, но теперь от краски остались лишь жалкие полоски. Лифт оказался сломан, и мне пришлось подниматься на третий этаж по лестнице с треснувшими ступенями.

На площадке я остановилась, переводя дыхание. Квартира 314 – выцветшая табличка с номером едва держалась на двери.

Я посмотрела на телефон – время подошло. Хозяйка обещала ждать внутри.

Звонок прозвучал громко и резко в тишине подъезда. Сначала ничего не происходило, но потом послышались шаркающие шаги. Замок щёлкнул, и дверь приоткрылась.

Передо мной стояла пожилая женщина – лет семидесяти пяти, с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок, и усталыми глазами цвета выцветшего неба. На ней было простое хлопчатобумажное платье, а на шее болталась золотая цепочка с крестиком.

– Вы София? – спросила она, оглядывая меня с ног до головы. В её голосе не было ни осуждения, ни любопытства – только деловая сдержанность.

– Да, – кивнула я. – Здравствуйте. Я забронировала квартиру...

– Всё верно, – перебила она, отодвигая дверь шире. – Проходите.

Я переступила порог и сразу почувствовала запах. Не просто затхлый – а какой-то особенный, приторно-горький, будто в каждой щели сдохло целое гнездо мышей. Воздух был густым, почти осязаемым.

Еле удержала позывы рвоты.

Квартира выглядела типично для однушки – крошечная кухня, комната с балконом и узкий коридор ведущий к ванной. Мебель – старая, из той, что дешевле выкинуть, чем ждать покупателей на Авито. Телевизор на кухне был с кинескопом. Я даже не ожидала, что такие ещё сохранились!

Но хуже всего были окна. Они выходили прямо на помойку – кучу мусорных контейнеров, стоящих в тени соседнего дома. Оттуда тянуло не только запахом разложения, но и каким-то зловещим ощущением заброшенности и отчаяния.

Только кристальная чистота останавливала меня, чтобы не выскочить отсюда.

– Простите за запах, – сказала хозяйка, заметив мой взгляд. – Куда я только жалобы не писала...

Она поставила на подставку чайник, достала две кружки из буфета и начала наливать кипяток. Руки у неё дрожали, но движения были уверенными.

– Вы не представляете, как я вам благодарна, – сказала я, оглядывая своё будущее временное жилище. – Я... Я готова снять квартиру на два дня... для начала.

Рубить концы, сразу определяя срок проживания, поостереглась.

Хозяйка посмотрела на меня внимательно, словно видя насквозь.

– Я вас узнала, – тихо сказала она. – В новостях показывали. – Старушка покачала головой и глубоко вздохнула. – Странная история... и больше всего меня удивил рейтинг вашего мужа, который скакнул так, что нашему президенту и не снилось. Вот и думаю теперь: у людей совсем мозги перестали работать?

– Я...

Старушка отмахнулась, пододвигая ко мне чашку с крепким чаем с ароматом лесных ягод и трав.

– Не отвечай, девочка. Это был риторический вопрос.

Я слотнула ком в горле. Впервые за долгое время кто-то говорил со мной не с осуждением, а с пониманием.

– Спасибо, – прошептала я. – Правда, спасибо.

– Было бы за что.

Хозяйка улыбнулась – тёплая, искренняя улыбка, из-за которой почему-то в носу защипало, а на глаза накатились слёзы.

Опять быстро заморгала, чтобы взять эмоции под контроль.

– Ну, если что-то понадобится – стучись, – сказала она, поднимаясь и протягивая мне ключи. – Я на первом этаже, в той же парадной. Сильно тут не шуми, пожалуйста – соседи

нервные. За углом есть продуктовый магазинчик. Если надумаешь готовить – кастрюля и сковорода в нижнем шкафчике. Отдыхай.

Когда она ушла, я осталась одна.

Стояла тишина, нарушаемая лишь шумом проезжающих машин и странным скрежетом где-то за стеной.

Я поставила сумку с деньгами на тумбочку, подошла к окну и посмотрела на помойку.

«Ну что ж, – подумала я. – Начало положено. Теперь главное – не свернуть шею на этом пути к справедливости».

Я глубоко вдохнула затхлый воздух квартиры, чувствуя, как внутри нарастает решимость.

Глава 9. Новая жизнь

Глава 9. Новая жизнь

До встречи с Алиной оставалось как раз два дня, поэтому я решила провести их с пользой для своей измученной психики – а именно отдохнуть.

Первым делом отправилась в ближайший супермаркет – не столько за продуктами, сколько за... запахом. Приторно-затхлый дух квартиры, от которого кружилась голова, не позволял привести в исполнение моё желание.

Я перебрала полки с освежителями, пока не наткнулась на «Эрвик» с надписью «*Свежесть горного утра*». Упаковка была простенькой, но аромат – чистый, лёгкий и невероятно освежающий.

– Вот он, – прошептала, как будто находила не средство от запаха, а спасательный круг.

Вернувшись домой с полными пакетами продуктов, я распылила освежитель по углам, особенно у окна и в ванной комнате. А ещё зарядила пластину на автоматическом диффузоре, выставив режим «2 минуты».

Практически моментально в квартире стало дышать легче. По крайней мере меня больше не тошнило. Правда, стоило приоткрыть форточку – и запах помойки врывается внутрь, как насмешка судьбы: «*Ты думала, что сможешь скрыться? Нет. Я нигуда не делся!*»

Я быстро захлопнула окно и села на край скрипучего продавленного дивана, глядя на потолок с трещиной в виде разветвлённой молнии.

Вздыхнула пару раз и решительно встала, чтобы приготовить себе... суп из курицы, потому что борщ любил Илья, а мне не хотелось даже через такое напоминание думать о муже-предателе.

Ела сытный вермишелевый суп и почти улыбалась, слушая очередной чокнутый репортаж журналистки, которая освещала очередную бредовую версию нового Апокалипсиса, доказывая, что летящая мимо нашей планеты комета – не комета вовсе, а инопланетный корабль!

Я покачала головой.

– Совсем с катушек поехали...

Именно в этот момент зазвонил телефон.

На экране – имя, от которого у меня сжалось всё внутри: «**ЛЮБИМЫЙ**».

Я не спешила отвечать. Пусть подождёт. Пусть почувствует, что его контроль – иллюзия. Что я – больше не его кукла.

Всего лишь на секунду, но как же мне стало приятно от этого.

На четвёртом гудке я всё же нажала «принять».

– Слушаю.

– Где ты? – голос Ильи был резким, раздражённым, будто это я названиваю ему, а не он мне! Причём во время утреннего совещания.

– Тебе эта информация зачем? – спросила спокойно, хотя внутри всё клокотало. Особенно от того, что я до сих пор не переименовала этот... «контакт» на что-то более подходящее. Например, «гнида» или «сволочь».

– Не юли. Я знаю, что ты в Самаре. Артур доложил, что тебя видели на вокзале его знакомые.

«Интересно, что это за знакомые такие? Щипачи?» – я поморщилась. Всегда недолюбливала начальника безопасности Белова. Этот Артур казался скользким товарищем.

– Только не говори, что поставил на меня слежку, как на террористку.

– А надо? – парировал Илья, никогда не отвечая на вопросы прямо... хотя раньше этого в его характере не было. – Не заставляй тебе напоминать: ты должна быть на связи. Суд назначат

через две недели. Ты должна явиться и подтвердить отсутствие притязаний на имущество и опеку.

– А если нет?

– Не валяй дурака, София, – рыкнул Илья. – Ты же понимаешь, что, если не сделаешь этого, всё пойдёт по-другому.

– По-твоему, – уточнила я.

Тишина. Потом – тяжёлый выдох.

– Ты изменилась.

– Нет, Илюшенька. Я просто перестала притворяться.

Он помолчал. И вдруг – почти шёпотом:

– Ты звонила мальчикам? Почему они такие замкнутые?

Сердце дрогнуло. Но я не дала ему зацепиться за эту боль.

– Нет. Не звонила, – и это была правда. – А чего ты ожидал? Ты растоптал их счастливое детство, а теперь задаёшься странными вопросами! Не кажется, что об этом надо было думать до того, как лезть между ног своей помощницы! И уж тем более раньше того, как позволять Наташе писать сценарий моего позора!

– Она не писала... – начал он, но осёкся.

– Тогда спроси себя: зачем я припёрлась в тот сраный отель с костюмом для тебя?!

– Что? Я... – в его голосе прозвучала усталость, вызванная не раскаянием – нет. Просто усталость от игры, в которой он всё равно выигрывает, и даже не думает о первопричинах тактически выстроенного хода событий. – София, просто приди. Подпиши. И всё закончится.

– Хорошо, – сказала просто, чувствуя другого вида усталость.

Это единственное, чего от меня добился этот чудака на букву «м».

Правда, услышав заветное согласие, Илья аж притих.

Наверное, дар речи потерял от удивления.

А я в это время подумала:

«Как же так, Илюшенька? Прожили мы столько лет вместе, а оказывается, ни ты меня не знаешь, ни я тебя...»

Я резко сбросила звонок, не дожидаясь очередных требований или, ещё хуже, самодовольства, которым Белов в последние годы грешил.

Положила телефон на стол и долго смотрела в потолок, пока суп не остыл, и мой аппетит окончательно не пропал.

«Он боится, – задумчиво подвела итог этого короткого разговора. – Не меня. Меня он не боится. Он боится, что я перестану молчать. Что я перестану быть той тихой, удобной женой, которую можно опозорить и забыть. Он боится, что я стану... личностью, с которой надо считаться...»

Схватила телефон и переименовала контакт Белова в «Подонок».

Глава 10. План действий

На следующий день я снова вышла в магазин – уже не за освежителем, а за чаем, хлебом и банкой мёда.

Вера Митрофановна, хозяйка квартиры, в которой я поселилась, встретила меня у подъезда с ведром и тряпкой.

– Решила подъезд помыть, – ворчливо буркнула она, но в глазах её плескалась одна доброта. – Как ты, девочка? Отдохнула хоть немного?

– Всё хорошо, спасибо, – привычно, как учили менеджеры Ильи по делам с общественностью, ответила я. И тут же поморщилась. – Выспалась. Купила неплохой освежитель и плотно закрыла окна, выходящие на помойку, так что всё относительно неплохо.

– Извини, детка, – искренне протянула старушка. – Вот так у нас работают городские службы: «Губы покрасили, а жопу не подмыли»! Да что там городские?! – женщина в сердцах махнула рукой, наклоняясь с кряхтением над ведром. – Вся страна живёт так... Точнее весь мир. Сдаётся мне, обещанный конец света станет последней точкой в чаше терпения таких обывателей, как я...

– М?

– Говорю, если прилетят пришельцы, та половина человечества, которой якобы не существует, ведь «у нас все равны», – женщина целую фразу заключила в воздушные кавычки, обозначив их четырьмя пальцами, и я улыбнулась, – встретит пришельцев с распростёртыми объятиями... только бы они избавили нас от власти имущих, которые вконец обнаглели. Эх!! Мир сходит с ума, деточка! Кажется, «толерантность» завернула нашу эволюцию куда-то не туда.

Я вздохнула, прекрасно понимая, о чём говорит Вера Митрофановна.

– Дай бог дожить, чтобы посмотреть на это. Больно интересно, что там летит...

Признаться, тут я удивилась.

– Вы реально верите в это?

– Верю, – сказала она, выжимая тряпку. – Почему нет? Хребты динозавров до сих пор находят. А города, цивилизация которых вызывает недоумение у учёных современности? Бог его знает, что там в космосе болтается, глядя на нас...

Я нахмурилась, но, выйдя во дворик многоквартирных высоток, задрала подбородок и посмотрела в небо.

«Бог его знает, что там в космосе болтается, глядя на нас...» – вздрогнув, обняла себя за плечи и быстро сбежала по ступенькам, чтобы купить новую симкарту в метро... такую, которая будет не на моё имя.

И хоть мои знания в этой области были крайне поверхностными, я оказалась права, и уже через час стала обладательницей нового номера.

Никите написала сразу.

Да, Илья не запрещал общаться с детьми, только заставил отказаться от них (ха! Вот и ирония подкатила!), но вряд ли в его пиар-сценарии наши дети принимают сторону матери.

«Ещё станет давить на них... нет. Не хочу, чтобы сейчас хоть кто-то полез к моим мальчикам в душу, чтобы ломать их представления о том, что хорошо, а что плохо. Я слишком старалась, воспитывая их! Мальчикам и так непросто... Особенно Богдаше, который всегда боготворил отца».

Никита не сразу ответил. Только после того, как я представилась Полиной – в точности, как мы условились.

Сынок спросил, как у меня дела, всё ли в порядке. Сообщил, что у него всё хорошо, и что он не прочь встретиться. Но я отказалась. Пока... Не хотелось нервировать Илью до развода. После заседания он обещал отдать мне те два фэйковых заявления. Но я знала, что это всё

равно ничего не будет значить. Никакой гарантии нет, что Белов снова не подсуется, чтобы выставить меня в глазах своих избирателей чуть ли не чудовищем.

Собственно, поэтому я прикупила пару камер. Одну бросила в сумочку, а вторую поставила в квартире Веры Митрофановны – чисто для алиби, если меня обвинят ещё в чём-то.

Вообще, я чувствовала себя как в каком-то боевике. В главной роли спецагента, который всеми силами пытался вывести коррумпированную сеть бандитов, шифрующихся под мирные столпы общества! В целом – недалеко от истины, да только я – никакой не спецагент! Так... вошь, которую любой может раздавить, стоит только прицелиться как следует.

«Но мы ещё повоюем!» – усмехнулась я, просыпаясь субботним утром на продавленном диване.

Быстро позавтракав надела выстиранное кремовое платье, накинула сверху пальто – всё, то же самое, ведь за вещами в особняк я планировала заехать именно сегодня, после встречи с Алиной.

Оделась и пошла в парк.

Алина ждала у фонтана.

Она выглядела взрослее, чем в моих воспоминаниях. А в глазах – тревога, но и решимость.

– Тётя Софа... – прошептала малышка, и бросилась ко мне.

Я обняла её крепко, ведь на моих глазах росла эта кроха. Я боролась за неё наравне с Дашей, чтобы вылечить, чтобы она смогла полноценно жить, как все.

– Привет, милая. Как ты?

– Нормально, – ответила Аля, но голос дрогнул. – Мама...

– Я знаю, – тихо остановила её, крепче обняв. – Но пока не готова об этом говорить. Понимаешь?

Аля отстранилась и заглянула мне в глаза.

– Понимаю, – прошептала едва слышно. – Я вас всех понимаю.

На мои глаза набежали колющие слёзы, но я нашла в себе силы улыбнуться.

«Какую хорошую девочку мы спасли! Побольше бы таких светлых личностей было в нашем мире!»

Мы сели на скамейку. Алина достала из рюкзака две шаурмы.

– Присоединитесь? Я сегодня ещё не завтракала.

У меня даже в мыслях не было, чтобы отказаться, хотя я успела перекусить омлетом с брокколи.

– Спасибо, Аля. Итак, что ты там говорила...

– Я хочу помочь, – сказала она, глядя прямо в глаза. – Я говорила: у меня есть друзья. Они делают ролики, выкладывают их в тик-токе, делают стримы. Мы можем рассказать правду.

– А ты понимаешь, к чему это приведёт?

– Да. Но... вы же не виноваты.

– Нет. Но мир не всегда выбирает правду. Иногда он выбирает удобную ложь, – сразу начала с предупреждения, чтобы Алина понимала, куда он хочет влезть.

– Тогда мы сделаем правду удобной, – решительно заявила девочка.

Я посмотрела на эту шестнадцатилетнюю малышку – хрупкую, но с огнём в глазах – и улыбнулась:

«Я не одна!»

Сделав глубокий вдох, выдохнула:

– Хорошо. Но только если вы будете слушать меня... и у меня будет обязательное условие: найдите надёжного специалиста, который будет до последнего скрывать ваши ID... или что там? Мало ли, что взбрёт в голову «пиарщице» Белова.

– О! Значит, вы хотите обойтись без славы канала? Хм... надо с ребятами поговорить. Они же надеялись на сенсацию.

– Лучше не рисковать. У меня нет гарантии, что Илья, его безопасник или Наталья закроют глаза на ваши «сенсации». Аля! – Я посмотрела проникновенно на девочку, пытаюсь достучаться до центра её самосохранения. – Они заставили твою маму подсыпать мне наркотик! Они угрожали мне тюрьмой за якобы распространение наркоты! Эти люди уже начали своё падение. Я не могу знать, до каких глубин они готовы опуститься, чтобы выйти сухими из воды. Всё происходящее уже дурно пахнет. Конечно, мне хочется верить, что Илья одумается и поступит достойно после двадцати лет счастливого брака, но... глупая наивность оставила меня. Больше «верить» нечем.

Алина прищурилась, не отступив:

– Значит, обойдёмся без «славы»! Создадим фейковый канал – это я умею. О безопасности тоже знаю предостаточно, – на лице Али появилась коварная улыбка. – Не зря в технаре учусь. Прокси-сервер – лучшее, что придумало человечество для подобных вашей ситуации.

– Прокси-чего?

Аля засмеялась, и гнетущее мою душу беспокойство окончательно оставило меня.

Мы проговорили почти два часа. Я рассказала ей всё – про клуб, про подставу, про Дашу, про Илью. Про то, как он заставил меня подписать отказ.

– Он думает, что сломал меня, – подчеркнула в конце. – Пусть так и остаётся. Хочу, чтобы люди видели на вашем канале, как сломанный человек строит свою жизнь заново, а заодно мы тонко дадим понять, что не всё в истории Ильи так гладко, как он пытается представить людям. Народ любит ловить лжецов на их же обмане. Когда получу те расписки и узнаю имена написавших на меня донос, было бы круто заснять их признания в обмане Ильи.

– Это будет непросто, – Алина нахмурилась.

– Однозначно, – кивнула я, соглашаясь. – Для этого нужно познакомиться с теми парнями, а там компания ожидаемо плохая.

На губах Алины появилась коварная улыбка.

– Хм... Есть одна мысль.

– Только не ты. Прошу, не связывайся с такими компаниями!

– Я – не буду. Говорю же: у меня много друзей. Одному товарищу давно пора проявить себя. Заодно и...

Аля прикусила нижнюю губу, покосившись на меня.

– Что такое?

Девочка встрепенулась и беззаботно засверкала открытой улыбкой.

– Думаю, с чего начать наш репортаж! Не с обвинений же?

– Лучше, как раз с них и начать! Чтобы привлечь на канал побольше людей. И потом...

Когда мы расстались, я вышла из парка с лёгким сердцем.

Правда хорошее настроение быстро закончилось, когда я открыла дверь такси и вышла на дорожку, ведущую к когда-то родному дому.

Охрана не пропустила меня, заявив, что господин Белов с детьми уехал на конференцию в Сириус, а без него меня не велено пропускать.

«Почему Никита ничего не сказал о поездке в Сочи?» – подумалось сразу.

Касательно моих вещей муженёк всё же оставил распоряжение, поэтому мне, стоящей под накрапывающим дождём, выкатили всего один чемодан на колёсиках, куда однозначно никак не могли вместиться все мои вещи.

Злая, как сотня демонов, я проглотила унижение и, дёрнув ручку, покатила чемодан обратно к такси.

Первое, что я спросила у мужчины:

– У вас видеорегиистратор работает?

- Так точно, – по-военному отрапортовал водитель.
- Дадите запись?
- 500 рублей.
- По рукам.

Смахнув с щёк слёзы, которые из-за дождя никто не заметил даже, я откинулась на спинку сидения и прикрыла глаза.

«Что ж! Пару кадров для истории уже сделаны!» – позволила себе немного ядовитого сарказма.

По пути к убогому съёмному жилью заскочила к Вере Митрофановне, чтобы продлить своё пребывание на пару недель, и только потом поднялась к себе.

В квартире пахло горным курортом. Чем не Сириус?! Только наличие помойки за окном не позволяло мне обманываться на этот счёт.

Я легла на диван и включила телевизор, где опять паниковали по поводу пролетающей мимо Земли кометы.

Так и уснула.

Глава 11. Суд

Неделя пролетела незаметно. Как листья с осинового дерева – желтые, красные, коричневые...

И вместе с тем время текло медленно и мучительно, но я старалась не обращать на это внимания.

Каждый день начинался с одного и того же вопроса: "Почему ещё нет повестки?"

Меня это настораживало.

Я даже мысли не допускала, что Илья решил отозвать своё заявление. Такое вообще невозможно! После всего, что произошло, после ультиматума, после угроз – это было бы слишком наивно. Скорей его командировка, на которую он зачем-то забрал и наших мальчиков, тому виной. Хотя... нет. Он бы никогда не уехал, не устроив перед этим очередной "спектакль для галерки". Или... всё же отозвал? Но зачем? Чтобы затянуть процесс? Чтобы заставить меня саму идти в суд? Или... чтобы подготовить что-то похуже?

Впрочем, мне переживать было некогда.

Я занялась плодотворным поиском работы и потихоньку "снялась" в будущих провокационных роликах, которые мы планировали выпустить сразу после развода.

Алина прислала мне контакты своих друзей-блогеров в тот же вечер, и мы вместе с ними отрепетировали несколько сцен.

Всё было продумано до мелочей: как я должна говорить, как держаться, какие эмоции показывать. Я должна была выглядеть жертвой, но не слабой. Обиженной, но не злой. Пострадавшей, но с достоинством.

Впрочем, одно другому не мешало, потому как мои собеседования заканчивались полным провалом, едва потенциальные работодатели узнавали мою фамилию.

Первая встреча была в издательстве – небольшое, уютное место, где я надеялась устроиться переводчицей. Директор, молодая женщина с добрыми глазами, сначала казалась заинтересованной. Но стоило мне назвать фамилию, как её лицо потемнело.

– Простите, София Леонидовна, – сказала она, вставая и протягивая руку. – Мы, конечно, сочувствуем вашей ситуации, но... у нас есть репутация. Да и люди вашего мужа настоятельно рекомендовали... не рассматривать вашу кандидатуру.

Вторая – в языковом центре. Там вообще не стали скрывать:

– Вы понимаете... мы работаем с японской фирмой. Для них семья – это всё, а у вас... Ваш скандал – это как красная тряпка для быка! – сказал владелец, не поднимая глаз от бумаг. – Нам этого не нужно.

Третья... четвёртая... пятая...

Камера в сумке фиксировала один неприятный отказ за другим.

Я записывала всё – не для себя, а для будущего. Для того момента, когда правда всплывёт, и люди увидят, как меня уничтожали. Как системно, целенаправленно вытирали ногами.

Пока в Самаре не осталось для меня работы по профилю. Для меня – лучшей на факультете! Знающей девять языков, как свои родные!

«Как это возможно?!» – спрашивала у своего отражения, злясь от бессилия.

Каждый вечер я возвращалась в свою однушку, садилась у окна и смотрела на помойку. Иногда мне казалось, что мусорные мешки смотрят на меня в ответ – мол, и ты скоро к нам присоединишься. Но я не сдавалась. Потому что знала: это временно.

Всё временно...

Как и то, что мои дети отвергли меня – Егор и Матвей.

Я после тех выходных всё-таки набралась смелости, и написала им со старого номера. Егор ничего не ответил, хотя прочёл смс, а Матвей... лучше бы он не отвечал. Младшенький попросил больше ему не писать и заблокировал меня.

Я прорыдала полночи, пытаясь справиться с болью.

Никита же стабильно выходил на связь, но мы не разговаривали о ребятах и Илье. Я боялась, что он с ними рассорится. Никитке и так непросто стоять меж двух огней! Я не хотела ставить его перед непростым выбором. Не хотела знакомить своего мальчика с той стороной Ильи, с которой сама только что познакомилась. Это страшно.

Вечерами я себя спрашивала:

«Что тебя здесь держит, София?! С твоими знаниями можно легко покорить Москву! Туда клешни Ильи и щупальца его услужливой помощницы ещё не добрались! Ты можешь легко опередить их, застолбив себе весьма неплохое место! – Но в груди всё сдавливало от страха, что я окончательно и бесповоротно потеряю своих детей, если не раскрою народу правду о случившемся. Да и в будущем история с наркотиками могла всплыть в самый неподходящий момент. И решимость с удвоенной силой выжигала весь страх в груди. – Побег – это никакой не выход! Сначала надо вернуть себе имя, а потом уже думать о будущих перспективах! Тем более, что отказы в работе играют мне на руку в том сюжетном плане, где я – гордая и несломленная жертва человеческой депривации!»

Поэтому я просыпалась каждое утро, плотно завтракала и продолжала оббивать пороги всех возможных инстанций. Надевала на лицо улыбку так же ловко, как узкую юбку-карандаш на задницу, и шла в массы, чтобы получить очередной плевок в душу.

А потом на Госуслуги пришло уведомление о дате и месте, где меня ждут в условленное время для бракоразводного процесса.

Илья позвонил тем же вечером и ещё раз «посоветовал» обойтись без глупостей.

Я с милой улыбкой, пусть он и не видел меня, пожелала будущему бывшему мужу спокойной ночи и сбросила вызов.

Затем набрала Сергею, другу Алины, а по совместительству главному нарезчику кадров, и предупредила его о предстоящей работёнке. Аля со всей серьёзностью подошла к идее необычного возмездия. Она считала момент развода чуть ли не ключевым и хотела, чтобы меня отсняли максимально подробно в моменте болезненного действия.

Я была, конечно, против, прекрасно представляя, в каком буду состоянии, но Аля оставалась непреклонна.

– Обязательно киньте в сумку микрофон! Если дядя Илья признается хотя бы в том, что шантажировал вас – это уже будет победа!

– Но так он поймёт, что я имею отношение к вашему тик-току.

– Пф! Легче лёгкого! – отмахнулась девочка. – Мы с Тиной организуем движ возле здания суда. Он ни за что на вас не подумает! Вы же всегда были такой... милой.

Последнее прозвучало словно оскорбление.

Я, конечно, понимала, что Аля обидеть меня не хотела, да и не обиделась я, однако и приятного в этом увидела мало.

Чего уж там?! Стоило признать, что для Ильи я всегда старалась быть идеальной женой... а идеальная – это когда дети довольны, в доме чистота и порядок, а на столе всегда вкусная еда. И чтоб без дурацких скандалов! И всегда улыбка на губах.

Так мне казалось. И такой я старалась быть, изменив себе лишь раз, когда кинула костюм Ильи ему под ноги в тот адский вечер... в том адском отеле.

В общем, утром, глядя на себя, я клятвенно пообещала женщине в зеркале, что больше не буду никогда ни под кого подстраиваться!

«Развод? Что ж – отлично! Начну новую жизнь с такой эпатажной главы!»

В зал суда немного опоздала. Буквально на две минуты, но судья-мужчина неодобрительно смерил меня взглядом, когда я шагала к одинокой скамье, которая выглядела точно насмешка. Рядом с Ильёй сидело аж три адвоката, а я одна!

Удивило наличие зрителей и прессы.

Впрочем, я быстро взяла себя в руки, надевая каменную маску невозмутимости на лицо.

«Было бы странно, если бы он оставил такой шанс на новую волну пиара без добавочного освещения! Мразь...»

Я повернула голову и посмотрела на мужа всего раз, но даже этого мне хватило, чтобы заметить, как он недовольно хмурится.

– Ваша Честь, – Белов поднял руку, привлекая внимание мужчины в мантии. – Пока вы не начали, позвольте переговорить с женой. Пять минут.

– Хорошо. Но только пять. После вас у меня ещё три процесса.

Я сжала челюсти, наблюдая, как Илья встаёт и идёт ко мне, а Наталья, сидящая на третьем ряду в окружении журналистов, нервно покусывает нижнюю губу.

Вернув внимание к персоне народного любимца, стиснула челюсти.

«И что же тебе надо?!»

Глава 12. Громкий развод депутата Белова

Мне казалось, что я готова услышать что угодно от Белова, однако он снова меня удивил... и это после двадцати лет совместной жизни!

– Софья! – зашипел Илья сквозь лживую улыбку. – Какого чёрта?! Где твой адвокат?! Решила выставить меня посмешищем на суде? Или тираном, м?!

Эта претензия, высказанная с искренним возмущением, настолько меня удивила, что маска невозмутимого безразличия на мгновение треснула.

– Зачем мне адвокат, Илья? Ты же заставил меня подписать отказ от всего...

Губы Белова вытянулись в тонкую линию.

– Ты выглядишь, точно побитый котёнок! – бросил придурок претензию, падая ещё ниже в моих глазах. А ведь мне казалось, что он уже пробил дно! – Это может повлиять на реакцию моих избирателей... особенно избирательниц!

Я резко встала – надоело терпеть, как он нависает надо мной и шипит, точно змей, а камеры журналистов в это время взрываются вспышками света за его спиной.

– Мне плевать на тебя и твоих избирателей, – мой шёпот заставил мужа нахмуриться ещё больше, а прямой взгляд, пышущий презрением, отвернуться. – Вернись на место и продолжи свой фарс... но сначала: где обещанные два заявления тех утырков?!

– Отдам после заседания... – Илья поморщился.

– Нет, – отрезала строго и категорично. – Отдашь сейчас, или я уйду. В этом цирке я участвую только из-за твоего шантажа. Не вернёшь те лживые доносы прямо сейчас – пожалеешь!

Илья с удивлением посмотрел на меня, как будто только заметил.

«Что за бред?!»

– Ты стала какой-то... другой, – пробормотал мужчина, слегка наклонив голову набок. – И я не о цвете волос.

– Серьёзно? – я тихо засмеялась. Наверное, со стороны наша беседа выглядела даже мило, если бы не тонна иронии, которая сочилась почти из каждой моей фразы. – Будет ещё что-то нелепое в стиле бульварных романов? Твои пять минут почти истекли, Илюшенька. Давай свои бумажки – мне нечем подтираться в замызганной квартире, в которой я вынуждена жить по вине твоих людей. Адвокаты мне не по карману.

Тут лицо Белова исказила неприятная ухмылка.

– Не вешай мне лапшу на уши. Я в курсе, что ты продала машину. И куда деньги дела... Кстати – хитрый ход. Только зря, потому как я во всеуслышание заявлял, что подарил тебе машину. Имущество, полученное в дар или в наследство, не подлежит разделу.

– Я знаю, – ответной ухмылкой сбила самодовольство с лица Ильи. – Как и то, что я – не наркоманка. И те два заявления, которыми ты меня шантажируешь, примитивный фейк, однако... – не договаривая, развела руками, – мы здесь. И вместо того, чтобы осудить тебя и твоё предательство, эти люди с презрением смотрят на меня. Я не обязана тебе подыгрывать, нанимая толпу никчёмных адвокатов... У тебя осталось не больше тридцати секунд, чтобы отдать мне те два заявления.

Я демонстративно потянулась за сумкой, якобы готовая уйти прямо сейчас.

Илья поджал недовольно губы, но всё же полез во внутренний карман пиджака, вытащил шёлковый платок со своими инициалами и подал его мне. Он странно топорщился.

– Внутри... – нехотя процедил мужчина, которого я ещё три недели назад безумно любила. – Один сейчас, второй – после развода. Платок можешь оставить себе... Вытрешь им слёзы, когда будешь корить себя за то, что вломила в тот отель со своей дебильной проверкой.

Мой смех стал чуть громче и куда искреннее.

– Милая заготовочка, но какая же примитивная, Илюшенька. О каких проверках ты говоришь? Я пришла по просьбе твоей помощницы – бросилась спасать твою рубашку, которую... хм... теперь я даже не уверена, что тебе её испортили. Разве что Наташенька своей помадой.

– Что? – непонимающе тряхнул головой Илья.

– Говорю: у меня плохие для тебя новости, милый. Ты сам не заметил, как пригрел змею на своей груди. И знаешь, что? – Я растянула губы в улыбке, повторяя наклон головы неверного мужа. – Я буду с особым наслаждением ждать, когда она тебя укусит.

Илья нахмурил брови, через плечо бросая взгляд на Наталью, чьи глаза сразу забегали с моего лица на лицо её любовника.

– Господин Белов, – прокашлявшись, поторопил нас судья, нетерпеливо постукивая пальцем по длинной трибуне, за которой сидел прямо по центру большого и вместительного помещения.

Илья кивнул и, больше не проронив ни слова, вернулся на свою сторону.

Далее всё походило на комбо судебный передач по НТВ, где истец или ответчик толкают пафосные или, наоборот, быдловатые речи. Где вызывают никому не нужных свидетелей, а зрители в зале хихикают за спинами разводящихся.

Разница была лишь в том, что я молчала. Сидела и наблюдала за очередной сценкой пиара как будто со стороны, иногда отвечая на вопросы судьи «да» или «нет».

Лишь когда вопрос дошёл до определения места жительства детей, я дала слабину и чуть не расплакалась.

Адвокаты Ильи постарались. Филигранными оборотами эти жертвы юридического подкупа буквально выворачивали мою душу, утверждая, что та женщина из видео, которое облетело всю страну, и даже вышло за её границы, никак не может воспитывать шестнадцатилетних детей!

Когда один из юристов попросил включить запись, на которой один из моих детей выражает общее мнение близнецов – остаться с отцом, Илья вдруг сам остановил мои ментальные пытки, тихо рыкнув: «Достаточно». Но если он думал, что это вызовет у меня хотя бы толику благодарности, то зря надеялся!

«Широкий жест» не засчитан, сволочь! – стиснув челюсти до хруста, подумала про себя. – Я здесь – только из-за тебя!»

В момент, когда всё было кончено, я ощущала полное опустошение. Как будто меня выпили до дна. Исушили до капли.

Я так и не узнала, кто же из близнецов был готов прилюдно отречься от матери.

Вышла на ступени суда и сделала глубокий, болезненный вдох.

Вдох горькой свободы наполнил лёгкие до предела.

Я смотрела вперёд и даже думать забыла, что где-то здесь Матвей снимает меня. Боль от обиды была такой концентрированной, что хотелось быть в голос.

Но я держалась.

Держалась и ждала Илью, чтобы получить последнее заявление-донос.

Белов подходить не спешил.

Его, как кинозвезду, окружили репортёры у выхода из здания суда, наперебой задавая различные провокационные вопросы.

Я тоже без их внимания не осталась. Правда, никакой реакции от меня не дождавшись, они быстро отвалили, бормоча что-то едкое себе под нос.

Неожиданное прикосновение к моему локтю застало меня врасплох, но оглянувшись и увидев Белова, я спокойно освободила свою конечность и повернулась так, как просил Матвей.

– Я хочу знать, о чём ты говорила! – потребовал уже бывший муж, вызвав на моих губах усмешку.

Без слов, протянула руку, давая понять, что ни о чём разговаривать не собираюсь.

Мимо нас прошло несколько студентов. Пока стояла, услышала, что у них тут какая-то экскурсия, так что мои помощники тут явно были ни при чём.

«Ну, не могли же они на юридическом факультете совершенно чужого ВУЗа внести такой внеплановый «поход»-практику!»

Белов вытащил заявление, придвинулся ближе, как будто для того, чтобы обнять, и быстро сунул помятую бумажку в мою сумку.

Я лишь покачала головой, с презрением наблюдая за его ловкими действиями.

– С такими воровскими замашками только в политику! – едко «похвалила» мужчину, усмехаясь ему в лицо. – По профилю устроился, дорогой.

– Ты совсем страха потеряла?! – прошипел бывший благоверный, снова хватая меня за локоть. – Всё так же задираешь нос! Но... Без меня ты – никто! Нищая баба, на которую будут пальцем показывать на улицах моего города! Тебя не возьмут ни на одну приличную работу! Ты только и сможешь, что купить какую-нибудь однушку, и то на окраине. Семь миллионов – это не так много, как кажется. Мой тебе совет: исчезни из Самары. И больше не смей лгать на Наташу!

Кровь бросилась в голову.

Я почувствовала, как по моему телу пробежала волна адреналина. Всё тело напряглось, пальцы сами сжались в кулак.

Я замахнулась – медленно, с достоинством, как будто этот удар – вся моя прошлая жизнь, собранная в одно движение.

Илья инстинктивно отшатнулся, наконец, отпуская меня.

Но я не ударила его, как бы мне этого ни хотелось! Слишком много камер, слишком много свидетелей. Глупо подкидывать бывшему ещё один вариант пиара!

Я просто провела кулаком рядом с его носом, чувствуя, как он задыхается от страха физической расправы, и этого уже мне хватило, чтобы получить моральное удовлетворение.

– Какой же ты жалкий! Трус... – прошептала едва слышно, и в этом шёпоте было больше оскорблений, чем в любой крикливой сцене, которые так любил рекламный отдел Белова.

Илья стоял, как ошолобленный, не в силах пошевелиться.

А я... я просто развернулась и гордо ушла по аллее осеннего парка, оставляя позади всё, что когда-то было моей жизнью.

Глава 13. Пришествие

– М-да, – вздохнула Алина, сидя рядом со мной на лавочке в парке, где мы условились встретиться сразу после развода. Девочке не терпелось приступить к нарезке кадров, из которых она планировала составлять будущие блоги. – Плохо, что вы раскрутили его на признание в зале, а не на ступенях суда. Теперь надо думать. Не хочу, чтобы великое разоблачение зацепило вас. – Аля задумчиво постучала указательным пальцем по своему подбородку. – Хм... Наверное, придётся начать с чего-то лёгкого, а не с сенсации. Чтобы дядя Илья подзабыл все нюансы развода. Я...

Алина запнулась, уставившись куда-то повыше моей головы.

Её глаза увеличились в два раза.

– Господи! ЧТО ЭТО?!

Я дёрнулась, резко оборачиваясь, сидя на лавочке.

Хорошо, что не встала, а то мои колени точно подкосились бы!

А как иначе, когда над нами, закрыв собой всё небо, бесшумно завис огромный... я даже не могу дать название огромному агрегату! Он захватил лишь кусочек Самары, нацелившись на Самарские Луки.

– Как такое... – запинаясь, шептала Аля, спрятавшись за моей спиной. Её пальцы дрожали, когда она вцепилась в мою руку.

Дальнейшее больше напоминало какой-то фантастический фильм!

Небо над Самарой разорвалось без предупреждения.

Сначала – тишина. Та самая, что накрывает город перед грозой, но в тысячу раз плотнее, будто сам воздух замер в ожидании.

И вдруг какой-то страшный импульс, который ультразвуком прошёлся по каждой нервной клеточке, буквально ослепляя на какой-то миг.

Когда я проморгалась, с удивлением вытаращилась, озираясь вокруг.

Птицы упали с веток, не успев и крыльями взмахнуть. Даже ветер, что обычно гулял по склонам Жигулей, застыл, словно испугавшись собственного дыхания.

А потом – тень.

Она накрыла город не постепенно, как туча, а мгновенно, будто кто-то выключил солнце. Тень была не просто тёмной – она поглощала свет, как чёрная дыра.

И в этой тени, медленно, величественно, без единого звука, опускались длинные трубы, которые по итогу оказались «ногами» инопланетного корабля.

Здоровенная зверюга не ревела двигателями, не рассекала атмосферу огненным хвостом. Корабль спускался, как лепесток с дерева – плавно, почти бережно, будто боялся повредить хрупкую оболочку Земли.

Его обшивка переливалась в лучах закатного солнца, пробивающихся с краёв гигантской тени: то синевой глубокого океана, то золотом древнего песка, то серебром лунной пыли. Он словно дышал. Не механически, а весьма реалистично – пульсируя тусклым внутренним светом, словно сердце, пробуждённое после долгого сна.

И тут город ожил, опомнившись.

Будто взорвался.

Сначала – крики. Панические, нечленораздельные.

Люди выбегали из домов, магазинов, офисов, замирая на улицах с поднятыми вверх лицами. Машины встали поперёк дорог, водители забывали выключить зажигание. Кто-то молился, кто-то плакал, кто-то, наоборот, смеялся – истерически, безумно, будто сорвалась последняя нить, державшая разум. И конечно же, не обошлось без телефонов!

Самые безбашенные включили камеры и снимали видео, что-то тараторя наперебой.

«Конченые...» – я схватила Алину за руку и быстро потащила прочь, не обращая внимание на загромождённо бьющийся пульс.

Сирены завывали по всему городу – сначала гражданской обороны, потом военные.

Чтобы не потеряться в толкотне, я крепко сжала руку девочки, упорно двигаясь в сторону съёмной квартиры, несмотря на общую суматоху.

На месте оказались довольно быстро.

– Тётя Софа, что же это? Как...

– Сейчас узнаем, – успокоила девочку, усаживая её на диван и вручая чашку мятного чая.

– Матери отзовишься. Скажи, что с тобой всё в порядке. Посидишь у меня, пока происходящее не прояснится.

Но «посидеть» нам не удалось.

По радио, телевидению, в мессенджерах – одно и то же: «Эвакуация! Немедленная эвакуация! Все жители Самары и прилегающих районов – покинуть город! Направление – Ульяновск, Сызрань, Тольятти! Не паниковать! Следовать указаниям!»

Дороги превратились в реки металла. Тысячи машин, автобусов, грузовиков медленно, но неумолимо текли прочь от центра, от того места, куда, по данным спутников, направлялся корабль.

Нас подхватила Вера Митрофановна на своей старенькой Ладе.

– Ну, что, девочки? – заводя мотор, подмигнула нам старушка. – Погнали в Бобровку – мою историческую родину. Дача, конечно, старенькая, но встретить апокалипсис – самое то!

Старушка громко засмеялась, заводя машину.

Аля перекрестилась.

Я же выдохнула с облегчением – пришло смс от Никиты. Его и Егор с Матвеем Илья отправил в Димитровград – к своим родителям.

Машина сорвалась с места, и я прикрыла глаза, в шоке от происходящего.

Дорога была забита до отказа.

Воздух наполнился запахом выхлопов, пота, страха.

Люди бросали всё – сумки, коляски, домашних животных. Кто-то тащил чемоданы, кто-то – детей на руках.

Полиция и Росгвардия выставляли кордоны, направляя потоки, сдерживая панику. Вертолёты крутились в небе, как испуганные птицы, передавая данные в штаб.

А корабль тем временем садился.

Он не выбрал площадь, не занял аэродром. Он опустился в Самарскую Луку – национальный природный парк, сердце Жигулёвских гор, место, где ещё сохранилась первозданная природа. Там, где росли редкие виды растений, где гнездились орлы, где тишина нарушалась только шелестом листьев и плеском волн Волги.

Огромные опоры, словно корни древнего дерева, мягко коснулись земли, не разрушая ни одного дерева, не вырвав ни одного куста. Они вросли в почву, как будто земля сама приняла их. И в тот же миг по всему периметру корабля вспыхнули световые столбы – тёплые, рассеянные, как утренний свет в тумане. Они освещали лес, поляны, реку – компенсируя отсутствие солнца.

Об этом говорили в СМИ, который мониторил Аля всю дорогу до Бобровки.

В штабе национальной безопасности в Москве заседал экстренный Совбез. Президент, министры, генералы – все смотрели на экраны, где в реальном времени транслировалась картинка с дронов. Никаких вооружённых систем, никаких щитов, никаких признаков агрессии. Только огромное, живое существо, приземлившееся в заповеднике, как гость, боящийся наступить на цветок.

Через двадцать минут после приземления из нижней части корабля, в самом центре его «тела», открылся проход – арка, сотканная из света и кристаллов. И из неё вышел он.

Один.

Высокий, стройный, в одежде, похожей на тканую тень. Его лицо – спокойное, почти печальное. Глаза – тёмные, но в них горел огонь. Мужчина.

Мужчина поднял руки в жесте приветствия.

Я даже засмотрелась на кадр, слитый с дрона в сеть тик-тока, под названием – «Обещанная комета оказалась кораблём! Атлас-3 реален!».

А потом по первому каналу включилась трансляция в реальном времени.

На встречу к странному инопланетному гостю вышли наши местные генералы в парадной форме, переводчики, учёные.

Оцепление держалось на расстоянии, с оружием на изготовку.

Мужчина молчал, но, потом выяснилось, что он говорил, правда, его голос звучал не через рот, а через ту самую вибрацию, которая свалила птиц с веток.

Они называли это ментальным общением.

Зрители же услышали послание через репортёра, освещавшего репортаж:

«Мы не пришли завоёвывать. Мы пришли умолять. Наша раса умирает. Женщины погибли. Потомство невозможно. Мы искали... долго. И нашли вас. Вы – похожи. Вы – совместимы. Мы просим... помочь нам. В ответ – мы поможем вам».

И всё это в дикой тишине. Даже ветер не дул.

А потом всё закрутилось.

Пришёл приказ из Москвы: «Прекратить эвакуацию. Открыть гуманитарный коридор. Предоставить территорию. Начать переговоры. Обеспечить безопасность иномирных гостей».

Вера Митрофановна выдохнула с облегчением и развернула машину, хотя я бы не спешила. Лучше в деревне какое-то время пересидела! Ну, да ладно!

Город медленно возвращался к жизни, а люди, с опасением оглядываясь, ехали домой.

– Знаете, что, тётя Софа? – сглотнула Аля, помогая мне затащить чемодан обратно в квартиру.

– М?

– Кажется, вы – больше не первая новость на «деревне».

Я хмыкнула, посмотрев на мелкую... и мы громко захохотали, таким вот образом избавляясь от стресса.

Глава 14. Зарваэльцы

Глава 14. Зарваэльцы

«Когда весь мир сходит с ума – твоя боль перестаёт быть центром вселенной!» – я поняла это тем же вечером, сидя у экрана старенького телевизора, оставшись в одиночестве.

Спустя три дня с момента, как небо над Самарой разорвалось тишиной, а вместо апокалипсиса пришли... гости.

Я почти не выходила из квартиры. Не то, чтобы мне было страшно – предупредительно-сти для.

Всё, что происходило за окном, за стенами этого убогого домика с видом на помойку, было настолько грандиозным, что моя личная драма с Ильёй и его пиар-машиной просто испарилась, как утренний туман над Волгой.

СМИ больше ничего другого не обсуждали. Ни скандалов, ни выборов, ни даже погоды. Только они – зарваэльцы. Так обозначили свою расу пришлые.

Первые дни – сплошная паника и слухи.

Потом до нашего донесли официальное заявление Кремля, транслируемое по всем каналам, на всех языках мира:

«Инопланетная цивилизация установила контакт с Землёй. Цель – сотрудничество, а не конфронтация. Российская Федерация, на территории которой совершил посадку корабль "Вэ-эль За-рис", временно координирует международные переговоры».

Имя корабля повторяли так часто, что оно стало священным.

«Вэ-эль За-рис».

Сначала я думала – просто звучное сочетание слогов. Но потом, в одном из репортажей, воодушевлённый учёный, который возглавил группу делегатов от нашей стороны, Михаил Ковалёв, объяснил:

«Это значит – "Последняя Колыбель" – последняя надежда на продолжение жизни их расы».

От этих слов у меня перехватило дыхание.

Представьте: целая цивилизация, старше человечества в десятки тысяч лет, с технологиями, которые позволяют выращивать города из кристаллов и управлять гравитацией, как мы – светом в комнате... и при этом – они умирают. Потому что у них не осталось женщин, способных рожать.

И они пришли не за ресурсами. Не за территорией.

Они пришли просить у нас – у землян – дать им потомство.

Это было настолько... человечно, что я расплакалась, слушая интервью учёного.

Зарваэльцы выглядели почти как мы. Разве что ростом выше, да и телосложение их было на порядок мощнее. Черты лица чуть острее. И глаза... зрачки у зарваэльцев были вытянутыми.

Самым поразительным стало другое – наш мир замер, приветствуя иных.

Все конфликты приостановились. Границы России открылись для учёных всех стран, а армии союзов и содружеств – застыли в режиме ожидания.

Я думаю, на высших уровнях было приказано беречь военную технику – на всяк про всяк. Дружелюбие – дружелюбием, но наши гости... оказались драконами!

Да-да.

Оказалось, что «зарваэль» на их языке и означает «дракон».

И не метафорически.

Уже на четвёртый день после посадки «Последней Колыбели» над Самарой начали появляться они – настоящие, живые, летающие драконы.

Не монстры из сказок. Не чудовища с огнём из пасти. А величественные существа, покрытые чешуёй, которая отражала солнечный свет, как зеркало, но с переливами: то бирюзой, то пурпуром, то золотом. В длину не меньше десяти метров, а высотой с трёхэтажку!

Они парили над Жигулями, кружили над Волгой, иногда опускались на вершины холмов – и не причиняли вреда. Наоборот: учёные сообщали, что в местах их присутствия ускорялся рост растений, очищалась вода.

Их было много. И они были разных оттенков.

Темно-синие, как глубокая ночь, – самые крупные, с размахом крыльев под сотню метров. Их называли «стражами». Серебристые, стремительные, как молнии, – «вестники». Они доставляли послания между кораблём и земными лидерами.

Были и другие, разных цветов, но самыми яркими я считала золотистых. Они появлялись редко, и их было меньше остальных – всего трое.

«Хранители» – так обозначил их Ковалёв, рассказав, что именно эти трое управляли огромным кораблём, своими размерами накрывшим Самарскую Луку. Их стали называть капитанами.

Каждое утро я выходила на балкон (да, даже несмотря на помойку!) и смотрела в небо. И почти всегда – они были там.

Парящие.

Молчаливые.

Красивые, как молитва.

Не сразу, но люди перестали бояться. Начали фотографировать, снимать ролики, мечтать. В школах дети больше «не ловили ворон в окне». Теперь они сидели у окон, глядя на драконов!

Социальные сети взорвал хештег #ДраконыСамары.

А Илья? И наш развод?

Имя мужа больше никто не произносил в новостных блогах. А его скандал с «наркоманкой-женой» утонул в океане великого чуда.

И я... я впервые за почти две недели вздохнула свободно. Потому что мир стал больше. Больше, чем мои обиды, больше, чем предательство любимого, больше, чем игнор сыновей.

Я наравне с остальными приняла удивительный факт: мы не одни во Вселенной. И, может быть, именно это – самое важное откровение в истории человечества.

Прошёл месяц, второй, за ним и третий, а интерес к зарваэльцам всё никак не угасал. Особенно когда с разрешения глав земных государств драконы – под наблюдением выдающихся умов Земли – развернули проект «Искра».

Насколько я поняла, суть его заключалась в подборе идеального «инкубатора», а именно суррогатных матерей, которыми добровольно должны были выступить несколько сотен землянок. Естественно, за огромную сумму. А точнее – за слиток золота. Наши оценили его в пятнадцать миллионов рублей. Шах и мат, Авторadio!

Но самое странное – всё происходило как само собой разумеющееся. Ни пресс-конференций, ни публичных отборов. Только тихие слухи, утечки в закрытых научных чатах и редкие репортажи с оговорками: «По данным источников...», «Не подтверждено официально...».

После двух месяцев плодотворной работы было отобрано всего четыре женщины.

Четыре!

Их объединяло только одно: в роду у этих молодых дам часто встречались двойни и тройни.

В остальном в моей жизни ничего не поменялось.

Я всё так же подыскивала работу, получая отказ за отказом.

– «Простите, София Леонидовна... мы вас уважаем, но...»

– «У нас репутация...»

– «Ваш муж... он же...»

А Алина сокрушалась всё громче:

– Тётя Софа, акк никак не взлетает! Мы же всё делаем правильно! Лёгкие ролики, душевные истории, даже про твои отказы сняли! А реакция – ноль! Только блог с недопощёчиной!

Конечно, мы пока придерживали разоблачительный материал – тот самый, где Илья признавался, что шантажировал меня тюрьмой. Но даже лёгкое выставление несправедливости, где меня отовсюду шпыняют, отказывая в работе, мало кто комментировал.

А с пощёчиной вообще получилось фиаско! Из-за того блога мне пришлось съехать от тёти Веры.

Оказалось, Илюшу задел сей кадр.

Его мордовороты чуть до инфаркта не запугали бедную старушку, угрожая! Она, правда, и не думала идти у Белова на поводу. Хах! С решительным видом эта бойкая старушка собиралась «жаловаться» куда-то – в прокуратуру, в управу, в ООН – не знаю...

Но я не захотела втягивать её в мой конфликт. Собрала вещи и уехала на окраину – в район, каким раньше пугала сыновей со словами: «Если будете плохо учиться...»

Ирония судьбы.

Теперь я – отличница-медалистка, филолог с красным дипломом – жила именно там.

Но зато – из окна старенькой однушки был виден «Вэ-эль За-рис», а не помойка.

Инопланетный корабль «Последняя Колыбель» стоял над Жигулями, как вечный страж. Днём – переливаясь в солнечных лучах, ночью – мягко пульсируя тёплым светом, будто дыша во сне.

Сыновья...

Матвей и Егор – молчали. Ни звонков, ни смс. Только Никита изредка писал: «Как ты?» – и тут же исчезал. «Подросток» – одним словом.

Но вот однажды Алина прибежала ко мне с дрожащими губами:

– Тётя Софа! У нас прорыв! Но...

Оказывается, тот, кого она наметила разговорить тех нариков, которые писали доносы на меня в клубе, был Егор. Мой старший сын.

Не знаю, как Аля это провернула. Наверное, «на слабо» взяла моего мальчика. Но главное – он добыл признания! Записал на диктофон, как те двое сознаются, что Илья заплатил им за то, чтобы они полуголыми тёрлись возле меня, пока нас снимала купленная Беловым журналистка, а потом вызвали полицию.

Но вместо того, чтобы броситься ко мне с извинениями, вместо того, чтобы сказать: «Мам, прости, я был слеп!», – Егор уничтожил запись, наорал на Алю и написал мне сообщение, от которого у меня сердце разорвалось на куски:

«ХВАТИТ. НАС ТОЛЬКО ПЕРЕСТАЛИ ОБСУЖДАТЬ В ГИМНАЗИИ! КОМУ И ЧТО ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ДОКАЗАТЬ?! НУ, НЕ ВИНОВАТА ТЫ, ВИНОВАТ ОТЕЦ. И ЧТО?! ОЧЕРЕДНОЙ СКАНДАЛ? А ПОТОМ?! ХВАТИТ! ПЕРЕСТАНЬ ДУМАТЬ ТОЛЬКО О СЕБЕ! И НИКИТУ ОСТАВЬ В ПОКОЕ. ОН ВЕСЬ ДЁРГАННЫЙ И ПОСТОЯННО ОБИЖЕННЫЙ... ДАЙ НАМ НОРМАЛЬНО ЖИТЬ!»

Я рыдала не меньше недели.

От обиды, бессилия и... от того, что Егор в какой-то мере прав.

Я действительно думала только о себе. О своей правде. О своём имени. А они... они просто хотели жить дальше. И, получается, я в это «дальше» не вписываюсь.

Поэтому, подумав, я дала отбой Алине.

– Забудь про разоблачения, – попросила девочку и...

И устроилась дворником в квартале, куда переехала.

Метла, ведро, перчатки. Зарплата – чуть выше прожиточного. Но никто не смотрел на мою фамилию. Никто не знал, кто я.

Только Алина на меня крепко обиделась.

Кажется.

Но вести блог не бросила.

Материала у девочки за полгода набралось предостаточно.

А я... я теперь каждое утро, выходя на уборку, смотрела на «Последнюю Колыбель» – и думала:

«Может, там, среди звёзд, есть место даже для таких, как я?»

Потому что на Земле – места не осталось.

Глава 15. Выбор

Естественно, работать дворником на постоянной основе я не собиралась. С моими знаниями языков это было бы настоящее преступление.

Нет. Мне просто требовалось «разложить всё по полочкам» у себя в голове и в душе, и подвернувшееся предложение от Александра Викторовича, моего нового арендодателя, поступило своевременно.

Что способно так лихо избавить нас от разъедающих дум? Конечно, физическая работа!

Рассыпая смесь песка и соли по обледеневшим тротуарам (весна в Самаре – коварная штука: то солнце, то лёд, то дождь, то снова мороз), я прямо-таки чувствовала, как мои волнения растворяются, как этот апрельский снег, никак не желающий уступить власть весне, уже месяц как наступившей!

А потом дядя Саша ещё накинуд мне работёнки.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.